

**КОНСТАНТИН
ЗАКУТАЕВ**

ЧЕЧЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

**МЕНТОВСКАЯ ПРАВДА
О КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ**

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

**ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ
КИНОПОВЕСТЬ**

18+

Константин Закутаев

Чеченский детектив.

**Ментовская правда о кавказской
войне. Гражданский долг**

«Книжный мир»

2019

Закутаев К. О.

Чеченский детектив. Ментовская правда о кавказской войне.
Гражданский долг / К. О. Закутаев — «Книжный мир», 2019

ISBN 978-5-6042990-0-5

Сегодня, когда в свет выходит второе издание книги «Чеченский детектив», Грозный совсем не похож на тот город, который встретил в начале 2000-х вологодских оперативников. Сверкающие огнями небоскребы стоят на месте руин, мечети возносят к небу свои минареты, парки и скверы накрыли воронки бандитских фугасов, не слышно автоматных очередей... 20 лет назад все было совсем не так. Оперативная работа в тогдашнем Грозном представляла собой адскую смесь крови, злобы, грязи, ненависти и смертельных интриг всех ее участников. Вологодским оперативникам приходилось раскрывать преступления в тяжелейших условиях послевоенной Чечни, пресекать криминал в разрушенном городе. По каким законам действовать – российским, шариата или военного времени – тоже вопрос. Принцип «кровной мести» стал основной составляющей каждой разработки. Ломая чужие и собственные жизни, часто поступая по справедливости, а не по закону, парни из уголовного розыска раскрывали убийства, предотвращали теракты и освобождали пленных. Данная книга – правдивый рассказ о трагических событиях чеченской войны, в основе которого увиденное, пережитое автором, Константином Закутаевым, в то время командированным оперативным сотрудником вологодской милиции, и его боевыми товарищами. Киноповесть «Гражданский долг» – это судебная драма, о ситуации непростого выбора, которая может случиться в жизни каждого человека. Криминал, вплетенный в любовную линию сюжета, чередуется флэшбэками боевых действий, а смог нынешней коррупции забивает легкие человеческого достоинства. Старшина присяжных, экс-полковник, известный жёсткой позицией, узнает в подсудимом, сержанта, спасшего его на войне. Правоохранительная система убеждает полковника осудить последнего. Но тот решает разобраться по справедливости. Содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-6042990-0-5

© Закутаев К. О., 2019

© Книжный мир, 2019

Содержание

Предисловие ко второму изданию	7
Чеченский детектив	8
Глава I	8
Глава II	18
Глава III	25
Глава IV	33
Глава V	39
Глава VI	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Константин Олегович Закутаев

Чеченский детектив. Ментовская правда о кавказской войне. (Второе издание)

Гражданский долг (Киноповесть)

© К. О. Закутаев, 2019

© Книжный мир, 2019

Книга моего хорошего друга не наводит лоск на события начала 2000-х годов в Чеченской республике, но и не погружает читателя в атмосферу голливудских боевиков. Константин Закутаев честно рассказывает о событиях, участником которых стал по собственной воле.

Расследуя трагическую гибель своих товарищей вологодские опера сталкиваются с трусостью, предательством, бескорыстием и верностью своему делу.

Исполнять офицерский долг не всегда получается в белых перчатках, но другого выбора у нас нет.

Герой России, майор ГРУ в отставке Алексей Михайлович Чагин

Война без линии фронта, война за тех, кто стреляет тебе в спину. Русских парней, восстанавливавших в Чеченской республике законность и конституционный порядок, предавали и убивали, а затем просто забыли. Они выжили и вернулись, впрочем, далеко не все. Эта книга – об «охотниках за головами», за бандитами и террористами. Книга жесткая, потому как принципиально честная.

Довольно сложно объективно оценивать всякий литературный труд, будучи лично знакомым с автором. С Константином Закутаевым я встретился гораздо раньше, чем с рукописью его чеченских приключений. Судьба этого человека – отражение русского пути, исковерканного войной и тюрьмами, но прямого и верного в своей простоте и правде. Господь, сохранив жизнь Закутаеву в Чечне, готовил ему испытания в заключении и судах. После мучительных трех лет присяжные посчитали бывшего офицера невиновным – Константин был единогласно оправдан. Наверное, этот опыт и явился творческим детонатором, благодаря которому и родилась книга.

Автор живым, отточенным слогом, без приторной и напыщенной словесности, сумел отразить глубинную яркость пережитого, увлекая читателя интригой сюжета. К сожалению, современная литература скудна на подобные произведения. Под видом военной правды нам нередко преподносят фальшивки, скармливают читателю биографические суррогаты, высосанные из пальца скабрзные фельетоны и выдуманную войну. И все потому, что тот, кто героически сражался, чаще всего не может об этом рассказать, а современные рассказчики и сценаристы бесконечно далеки от своих героев. Но эта книга – вызов официальным хроникерам чеченских событий, ключ к пониманию русской души и офицерской чести, что неизменны во времени и обстоятельствах.

Российский адвокат, политик, писатель, кандидат исторических наук Иван Борисович Миронов

Предисловие ко второму изданию

Пять лет назад мой первый литературный опыт – слова искренней признательности адвокату, писателю, историку Ивану Миронову и издательству «Книжный мир» – увидел свет. Тогда, в начале 2014 года, казалось, что любая война отдалается от нас хоть и медленно, но уже безвозвратно. К сожалению, эти ощущения очень быстро растворились в наступившей действительности. Новостные ленты вновь начали пропитываться кровью фронтовых сводок. И понять, кто прав или виноват, стало сложно как никогда.

Однако в книге, которую Вы сейчас держите в руках все гораздо проще. Это классическое в беллетристике (на большее Ваш покорный слуга не претендует) противостояние преступников и полицейских, убийц и сыщиков, бандитов и ментов. Мы не воевали с народом, республикой или городом. Мы боролись, по нашему мнению, с абсолютным злом. Вот только происходило все это не на аристократических площадках Агаты Кристи, не в конан-дойлевских этюдах и не на фоне комсомольской идеологемы братьев Вайнеров.

Не стоит цепляться за название романа, здесь нет никакой националистической подоплеки. Рядом с нами точно также под обстрелом вжимались в землю чеченские милиционеры, а предательский удар в спину мы могли получить от тех, с кем стояли в одном строю. Так получилось, что трагическая атмосфера грозненских событий начала нулевых стала главной составляющей детективного сюжета. В любой другой, более мирной обстановке динамика повествования стала бы иной. Оперативники после работы уходили бы к семьям, а не на ночные посты пункта временной дислокации. Их антагонисты не имели бы абсолютной власти с наступлением темноты. А простые жители города не погибали бы десятками при столкновении этих двух миров.

Сейчас встречаясь с бойцами, возвращающимися из командировок, я прошу их показать фотографии нынешнего Грозного. И я могу лишь угадывать в этих красотах когда-то пугающие названия – «Минутка», «Садовая-Фугасная», «Жидовка» или «Красный Молот». И я буду искренен, если скажу: в 2001-м мы и не могли подумать о том, что спустя пятнадцать-двадцать лет город, на который в страхе смотрим сквозь автоматный прицел, исчезнет навсегда. Что, выходя на пыльную центральную трассу, не нужно будет дергаться на каждую проезжающую легковушку. Бронежилет, как элемент обмундирования, в общем-то, не понадобится. А когда покупаешь на рынке сыр или лаваш, боевое охранение со спины выглядит лишним и бессмысленным. Мы даже абстрактно не представляли, что в этих предгорьях расцветут бликующие лепестки фонтанов. Тополя, стряхнув многолетнюю пыль от бронемашин, раскинут зелень своих ладоней. Из огрызков разрушенных зданий вырастут сверкающие небоскребы. А люди, наконец, начнут улыбаться.

Мы не знали об этом.

Мы не делили на «ваших» и «наших».

Мы просто делали свою работу.

С уважением, Константин Закутаев

Чеченский детектив

*Все расскажем про восход и про закат
Горы сажу, да про горький мармелад
Что доели, когда закончили войну
Да как сели мы на Родине в плену*

Юрий Шевчук, «ДДТ»

Глава I

«Сегодня из Вологды, в очередную служебную командировку направлен сводный отряд УВД для комплектования Фрунзенского Центра Содействия в городе Грозный Чеченской Республики. Это первая командировка подобного рода для наших милиционеров.

Как пояснил нашему каналу заместитель начальника УВД полковник Куликов, вологодские сотрудники милиции будут осуществлять широкий спектр мероприятий для наведения конституционного порядка в республике, в том числе и оперативно-розыскные мероприятия по линии особо тяжких преступлений: терроризма, нападений на федеральные силы, похищения людей...»

Из сообщений СМИ Вологодской области, апрель 2001 года.

* * *

Пить, в русском понимании этого слова, начали сразу же после Москвы. Грани дисциплины, ответственности, осознание того, что это поездка на войну и всё будет серьезно отошли на третий план. Рассказы «бывалых и битых», уже не приводили должного строго-страшного впечатления, да и присутствие живых – здоровых рассказчиков подсознательно оставляло лишь ощущение просмотренных фильмов, естественно, с разной режиссурой: от эмоционально-цветного до мычаще-черно-белого.

Как-то незаметно исчезла из проходов плацкартных вагонов мощная, увенчанная «афганской» панамой, фигура полковника Куликова. Вероятность появления филинообразного полковника Елина свелась к нулю, а вскоре совсем пропала. Правда не смыло с вагонного горизонта зама по тылу, но отношение к нему изначально не отличавшееся глубоким трепетом и уважением, через 300–400 километров и вовсе трансформировалось в восприятие его, как некоего «домового», а точнее, как в «Чародеях», «вагонного». Его, согласно таблице положенности, кругленькая, суетливо-деловитая фигурка периодически возникала из плотного, пропахшего несвежими телами, воздуха, что-то пытаясь учесть, записать, сосчитать и снова исчезала. Общего хождения отсеков к отсекам пока ещё не было, ввиду того, что пассажиры как следует не познакомились. Но всё, как говорится, впереди.

Катаев, бездумно листал «В августе 44-го» сидя на верхней полке. Ввалившись несколько часов назад в первый по счёту отсек, он, желая дистанцироваться от железнодорожной суеты, сразу же, закинул баул наверх и забронировал для себя «место под солнцем».

Вагонная жизнь меж тем входила в привычную колею. После очередного прохода «тыловика», в нескольких отсеках наступило заметное оживление. То от сотрудников по линии МОБ¹, то из купе КМ² на «продол» выглядывала голова и, воровато оглядевшись, шмыгала обратно. Затем, в отсеках негромко раздавались фразы, типа: «Давай», «Всё тихо» и слышался характерный звук соприкосновения горлышка со стаканом, растворявшийся в плацкартной какофонии звуков.

В купе, помимо Кости, расположился начальник отдела УР³ майор Кутузов Михаил Анатольевич. Человек конкретной внешности, вызывающей ассоциацию с каким-нибудь фельдфебелем Гансом из фильмов о вой не. Причём не с тем, который присутствует в концлагерях, а скорее, которого пластуны-разведчики сняли с поста и приволокли в наш тыл в качестве «языка». Где и выяснилось, что он солдат, просто солдат, выполняющий приказы. Вот в Мише и сочеталась солдатская исполнительность с «дембельской» невникаемостью в детали. Если надо, значит надо, значит так и будет. Высокий, плотный, рыжий, хоть и не огненно, но несомненно. Словом, крепкий во всём. Такого, наверное, не замутишь, не собьешь. Уже второй час он стоял на выходе из отсека, поглядывая в проход, следя за внешними рамками соблюдения дисциплины.

Перед отправкой Кутузов встречался с руководством на самом высоком уровне, да и в эшелоне он некоторое время числился в свите Куликова и Елина, когда этот начальственный тандем, под охраной ОМОНовцев инспектировали вагоны и платформы с техникой перед отправкой. По какой-то причине, Мишу с мягким вагоном «побородили». Видимо был не до конца своим, а может по другой причине. Например, в силу отсутствия желания у руководства шляться по вагонам, не всегда озонирующими или благоухающими, когда можно в каждом подразделении определить старшего и с чистой совестью успокоить себя мыслью о наличии назначенца, с которого всегда можно спросить и, соответственно, на которого всегда можно перевести стрелки.

Михаил Кутузов, являясь тёзкой великого полководца, все эти вопросы в правильном спектре проанализировал и, помня, ещё в свою военно-морскую кубинскую бытность, золотое правило – «подальше от начальства – поближе к кухне – в выгодном свете отметил своё месторасположение.

Ещё одним обитателем отсека был Саша Лавриков, оформленный экспертом-техником. Высокий и представительный. Но как часто бывает с людьми, привыкшими к пиджакам и галстукам, в военной форме он больше напоминал участника сборов резервистов, в народе именуемых «партизанами». Отсутствие кондиционера и духота завершало образ мученика от милитаризма, набросив бисериновую сетку пота на лысеющую голову.

У Саши был самый большой багаж. Помимо автомата с боекомплект, он тащил за собой две сумки. Одну, средних размеров дорожную и другую – объёмистую, которую бережно занесли в вагон двое его коллег. Бока этого кофра распирали предметы явно правильных геометрических пропорций, проглядывались мотки проводов и прочих неподдающихся идентификации объектов.

Саша, как и Миша, являлся представителем командного состава, несмотря на то, что его подразделение состояло из одного человека – его самого. Подразделение Лаврикова, было секретным, хотя правильнее было назвать его «секретно-полишенельным», по той простой причине, что все кому надо и не надо знали, что это за контора и чем она занимается. Структура носила, рекомендуемое к произношению шёпотом, наименование УСМ – управление секретных мероприятий. Однако в первые часы движения поезда оказалось, что не все сек-

¹ МОБ – милиция общественной безопасности.

² КМ – криминальная милиция.

³ УР – уголовный розыск.

ротно-грамотные. В силу засекреченности, Лаврикова не оформили в общий список сотрудников, направляемых в Грозный. Соответственно, каких-либо аттестатов на его персону не существовало. По крайней мере официально. Его командировка полностью проводилась через ГУСМ МВД. Поэтому когда в очередной раз в отсек сунулось «жало» тыловика Юры Бабаева зазвучали логичные, с точки зрения «сходится – не сходится» вопрос:

– А вот вы кто? Какое подразделение? У меня по бумагам получается вы лишний.

– Безбилетник – весело подкорректировал Костя.

– Да! Да! Где Ваши аттестаты? – ошибочно полагая, ввиду отсутствия чувства юмора, что его поддерживают, строго повысил голос «зампотыл».

– Я по линии КМ, всё нормально... – тихо, чтоб не привлечь внимание соседних купе и, соблюдая режим секретности, ответил Саша.

– По линии КМ у меня комплект... Все фамилии здесь! – тряхнув блокнотом громко объявил Бабаев.

– У меня отдельная командировка, через МВД – уже прошипел Лавриков.

Ощувив прилив административного оргазма, Бабаев заблажил:

– Я не знаю ничего про МВД! Я отвечаю только за УВД, дак-к-у-ументы!!

Пока Саша подбирал корректные матерные слова для отправки тыловика к соответствующему адресату, Миша, решив, что пора вмешаться, вздохнув, встал с полки и, прихватив майора за локоток, в прямом смысле слова «оттараканил» его к тамбуру. Привлеченные громкими фразами диалога из отсеков завылгивали любопытствующие физиономии. Минуты через две вернулся Миша, показав глазами, что инцидент исчерпан, а за его спиной данные в проход, с видом оскорбленной добродетели, и просочился Бабаев.

Движимый обидой на то, что столкнулся с чем-то непонятным и ему неподконтрольным, он бормотнул:

– Секретные, специальные... хрен поймешь... икс-файлы, бля...

– Одна минута двадцать четыре секунды, нокаут! – прокомментировал со своей полки Катаев.

В военном училище он занимался боксом и поэтому частенько проецировал бытовые ситуации через призму спаррингов и поединков.

– Утомился этот дятел? – в очередной раз, утеревшись платком, вопросительно глянул на Мишу Лавриков.

– Думаю да... Больше не появится.

Кутузов оперся на столик своими крепкими, поросшими жёсткими рыжими волосами, кулаками и посмотрел сквозь стекло на темнеющие пейзажи Московской области. Переведя вопрошающий взгляд от окна на Сашу Лаврикова, по-турецки усевшегося на нижней полке, он многозначительно кашлянул.

Люди взрослые, в погонах, как правило, понимают друг друга без слов. Саша встал, после чего подняв полку, погрузился по локоть в свою дорожную сумку. Обещающе-гулко звякнув, на столе появилось 0,7 «Юрия Долгорукова», Миша же тем временем, кивнул головой вниз, читающему на верхней полке Катаеву и принялся расталкивать, спящего оперативника Сашу Долгова, четвертого пассажира первого купе:

– Давайте, мужики, поужинаем что ли?

При этом акцентированное окончание фразы необъяснимо улучшило аппетит. Костя спрыгнул с полки и, пока рундук был открыт, выволок из своей сумки пакет со снедью. Саша Долгов, приподнявшись на локте, одной рукой протер сонные глаза. Про такого парня, обычно, говорят стихами из далёкого советского детства: «среднего роста, плечистый и крепкий...». При непримечательной, типично ментовской, внешности он производил впечатление доброжелательного, спокойного и уверенного в себе человека. Саня уже бывал в «горячих точках» дважды, был награждён «Отвагой». В 1995 году вологодский ОМОН, где он служил бойцом,

прорвался из осаждённой комендатуры в Гудермесе и вышел к позициям ВДВ в селении Курчалой. Правда, с потерями, как с «200»-ми, так и «300»-ми⁴. В любом случае человек, прошедший такое горнило и сохранивший радушие и душевное спокойствие, вызывал уважение.

Долгов тоже потянул свой «сидор» с третьей полки, но его остановил Кутузов:

– Сань, мы «подкидываем»⁵ идём, а это дней пять, так что твоё сожрать ещё успеем... Садись давай...

Незаметно стемнело. Эшелон уже около получаса стоял где-то на запасных путях близ города Александров в ожидании, так называемого буксира, который потащит «подкидыша» дальше на юг.

Миша, вспомнив о своей, в некотором роде комадной функции, а скорее убоявшись вероятного появления Куликова, деловито вышел на проход. Пройдя по вагону, он предупредил, пока ещё не успевших нажраться пассажиров о соблюдении техники безопасности: «наливать в чашки», бутылки не светить»; «в проходах не блевать» и так далее.

Вернувшись к своему купе и, бросив попутчикам:

– Я на минуту, на доклад... Начинайте без меня, – ушёл в командный вагон.

– Модная какая – повертел в руках «Юрия Долгорукого» Долгов.

– Подарок в дорогу, ещё две есть, – сказал Лавриков.

– М-м-м, – Долгов поставил бутылку на стол, – а я спирта фляжку литровую зацепил, реального, медицинского... Чтобы случаю соответствовать...

Поезд всё ещё стоял на запасных путях. Вагоны была закрыты, выходить никому не разрешалось. Некоторые представители МОБа предпринимали попытки выйти, однако проводница, высокая и дородная тётка, с выбеленной «а-ля Мерилин Монро» причёской, нагло врала в глаза, мол, ключи у неё забрал «ваш генерал».

Кое-кто, уже набравшийся, приглашал ее в гости, кто-то наоборот пытался прорваться к ней, но тоже терпел фиаско.

Где-то в вагоне забренчала гитара про «милую... солнышко лесное». Мотание по маршруту «Взад и назад» по вагонам участилось, при этом, хождение сопровождалось звуками ударов конечностей об углы и поручни. Периодически раздавались взрывы гомерического хохота и, кого, собственно, стесняться-то гогота.

– Ну, за знакомство! – произнес Лавриков и опрокинул содержимое эмалированной кружки в рот.

Синхронно поднялись и опустили кружки соседей, дёрнулись кадыки. После первой, начинающуюся теплоту забросали огурчиками и отварной картошкой, затем, по исконно русской традиции, сразу же пошла вторая. Теперь можно и поговорить. Так как первая половина пути была посвящена разговорам о том, кто кого знал, знает или общается, то разговор логично перешёл на стадию, что же будет по приезду.

– Я в Грозном был полтора года назад, на штурме, – на вопрос Долгова о конечном пункте их путешествия – ответил Костя, – я такое только в кино про войну видел... Про Сталинград... Минуты не проходило, чтобы по городу чем-нибудь не шарахнуло...

– Давай за тех кто не с нами... – Долгов разлил третью.

Трое мужчин, не сговариваясь, встали вокруг купейного столика, пытаясь поймать тишину. Её не было. Уже смелей и громче, хором нестройных голосов по вагону разливалась песня про задремавшего есаула, за перегородкой кто-то бубнил об автомобилях, привокзальный пейзаж протяжно озвучил тепловоз. Каждому хотелось думать о чем-нибудь своём. Миша вернулся часа через полтора. Обдал коньячным перегаром и сообщил, что цеплять будут под утро, поэтому уснуть под мерный перестук колёс не удастся.

⁴ 200 – убитый. 300 – раненый.

⁵ Подкидыш – мини-состав или вагон, цепляемый к поездам попутного направления.

– Олег Саныч уже не придёт, – знаяще порадовал Михаил и, понизив голос, добавил, – они с Елиным третью дают, так что думаю до завтра будем без контроля...

Вздыхнув, он встал и пошёл в народ рассказывать: «Аккуратней мужики», «Куликов по вагонам ходит»; «Не орите так», «Завтра поедем в 5 утра...».

– Я больше не могу жрать, лопну... – объявил Костя, вставая, – с вашего позволения, меня чего-то в сон потянуло.

– Отбой? – спросил Долгов.

– Попробую... – одним рывком Костя забросил своё тело на полку. Не раздеваясь, он вытянулся на одеяле и, вдыхая тёплый воздух, разбавленный креозотом, закрыл глаза...

* * *

Вагон жёстко дёрнуло. Костя проснулся.

«Я спал одетый, всё может быть, наверное, снова я начал пить...» Ни к селу, ни к городу вспомнилась дурацкая песенка. Как вчера забрался на полку, так и уснул в олимпийке и камуфляжных штанах.

На соседней полке, накрывшись одеялом с головой, спал Долгов. Свесившись головой вниз, Костя увидел умиротворённое сном лицо Кутузова и «услышал» крепкий сон Саша Лаврикова. Его раскатистый храп звучал в унисон с чьим-то сопением за перегородкой. Где-то дальше в вагоне ещё не закончились посиделки – слышался шум голосов, о чём-то негромко спорящих.

5.20 показывали часы. Осторожно спустившись, нащупал ногой кроссовки, обувшись, прошел в тамбур. Лежать на верхней полке в спертom воздухе вагона расхотелось. Там тоже не удалось подышать свежим воздухом.

Около двери, затягиваясь сигаретой, стоял плотный, кряжистый мужик в светлой футболке и «афганских» штанах. Рассеянно кивнув, Катаев встал на противоположную сторону.

– Тебя Костя зовут? – раздался за спиной вопрос с утвердительной интонацией.

– Типа того... – повернулся Костя к соседу по тамбуру.

– Серёга Рябинин, – рукопожатие было сухим и жёстким, – Я слышал за тебя... Не первый раз едешь, вроде...

– Не первый... – Костя силился вспомнить, где он слышал эту фамилию, всматриваясь в лицо собеседника. Только сейчас он заметил, что тот слегка нетрезв, хотя применительно ко времени, эта формулировка вроде неуместна. К пяти утра «слегка» не подходит. Несмотря на это, взгляд Сергея был пытливым и изучающим.

– Табарик за тебя рассказывал, – произнёс Сергей, вдавив окурочок в консервную банку-пепельницу, традиционно висящую на ограждении оконного проёма. Костя вспомнил заместителя начальника управления кадров Игоря Табарова. Тот, ещё в управлении рассказывал ему про этого Рябинина. Ничего конкретного, но что-то запало...

«Вы там обязательно состыкуетесь... Его как и тебя, несмотря на возраст, сносит малость... На грани тоже...»

– И мне про тебя говорил. Нормально отозвался... – ответил Катаев.

– Нормально... – усмехнулся Сергей, – ну, как и мне о тебе...

Поняв и, уже распознав, заочную схожесть, опера по-другому глянули друг на друга. Рябинин был старше Катаева лет на десять, но разница, в общем, не ощущалась.

– Мы тут приняли маленько... Я к парням присматриваюсь с кем, о чём можно... Ты-то в каком едешь?

– В первом... Чего-то вырубился вчера вечером... Стресс, наверное, – улыбнулся Костя.

– А мы и не ложились ещё...

Косте вспомнились спорщики из середины вагона. Крепко присели... А по Серёге и не скажешь, видно со здоровьем в порядке.

– Ты за выслугой едешь или за «боевыми»? – посмотрел в глаза Косте Рябинин.

– Не думал пока. Скучно просто стало, вот и завербовался. Взбодриться...

– Там насовсем можно взбодриться, – одними губами улыбнулся Серёга, – повоюем, что ли... Есть пара наработанных схем по пленным... В первой командировке я шестерых срочников вытащил... Опасно правда, малёхо...

– Там, так то, за угол поссать сходить опасно... А пленных с боем? Как во вторую мировую?

– Не-а... Обмен, но тоже приятного мало. Шаг в сторону и тебя, и пленных, и посредника к Аллаху отправить могут... Дорога дальняя, расскажу как-нибудь... Людей надо присматривать уже сейчас... Пойдём к нам, дёрнем да спать завалимся...

– Это ты завалишься, а для меня день только начинается...

– Ну, тогда к вечеру словимся...

Оба опера вышли из тамбура. Шедший первым Рябинин вдруг остановился около купе проводников. Деликатно кашлянул. Костя, заинтересованный, тоже встал. Серёга обернулся:

– Бойца надо вызволить, – кивнул он на дверь. Костя до сих пор не понимал, что же происходит.

– Бес! – шёпотом позвал Сергей в стык двери и косяка: – Бес!

За дверью послышался шорох и снова всё стихло.

– Бля, Бес!.. – громче, сопроводил ударом кулака в пластик, свой призыв Рябинин.

– Мальчики здесь никого нет, – не открывая двери, далеко не сонным голосом отреагировала проводница.

– Тьфу! – сплюнул Серёга и пошёл по проходу, – пусть сам на проверке отдувается...

Костя свернул в свой отсек и залез на полку. Было тихо в вагоне, соседи по-прежнему спали, даже Лавриков не храпел. Спать не хотелось, Костя, потянувшись к столу, взял яблоко и, лёжа на животе, захрустел.

Минут через десять, неслышно раздался тоненький скрип отодвигаемой двери купе проводников. Повернувшись, Костя увидел, как из него выскользнул блондин лет тридцати, раздетый по пояс, и, ступая на носочках, двинулся мимо первого отсека вглубь вагона.

– Бес! – желая проверить предположение, шепнул Катаев. Парень резко тормознул и вскинул на него глаза. По его лицу блуждала довольная ухмылка.

– Помаду со спины сотри, – улыбнулся Костя.

– Тьфу! – Совсем как Рябинин, сплюнул Бес и, уже не скрываясь, потопал в свой отсек, напевая Чича:

«И все кругом говорили, добился-таки своего...»

* * *

Моздок. 5-ый день.

Снова запасные пути. На этот раз последние. Дистанция, которую обычный пассажирский поезд покрывает за 36 часов, для «подкидыша» растянулась на рабочую неделю. Из-за спрессованности поездного пространства, весь путь следования с мелкими происшествиями, бытовыми неурядицами и забавными случайностями слепился в единый пучок воспоминаний...

На одной из станции чуть не забыли зампотыла Бабаева. Произошло это следующим образом.

Имея на руках график с маршрутом следования и, подпитываемый чувством интендантского долга, Юра Бабаев, посчитал какую-то заброшенную станцию за крупный железнодорож-

ный узел. Искренне полагая, что стоянка будет не один час, тыловик выскочил из вагона. Его интересовало, не разболтались ли крепежи на грузовых платформах, фиксирующие УАЗы и ЗИЛ-водовозку. Эту технику, автохозяйство, выволочив из «зелёного ряда»⁶ и, реанимировав двигатель с ходовой, в качестве бесплатного приложения, направило в Грозный.

Бабаев вскарабкался на платформу и, с видом завязанного слесаря, хмуря лоб, пошёл вдоль транспортных единиц, выборочно колукая хомуты и затяжки. Перелезая с одной эстакады на другую, ничего не успев понять, лёгким одномоторным истребителем, Юра спикировал на насыпь и покатился по гравию. Как оказалось, красный свет на путях сменился на зелёный и машинист, совершенно логично, двинул тепловоз дальше. Бабай вскочил на ноги и, хлопаяющими глазами, провожал набирающий ход состав. Ошибка в станции грозила самовольным оставлением эшелона, дезертирством и ещё чёрт знает чем, может быть даже расстрелом на месте, согласно законов военного времени. Все эти мысли хороводом протанцевали в мозгу начальника тылового обеспечения. И он рванул. Бегал Юра последний раз так давно, что не помнил когда.

Предполагаемые ежегодные зачёты, он, в силу статуса не сдавал, а если и приезжала комиссия из вышестоящих структур, то экзаменоваться приходилось в сауне, под водочку и балычок. Сейчас же его забег напоминал гон лося в период брачных игр, да и поезд, к его счастью, не набрал полного хода. Обогнав платформы с техникой, Юра поравнялся с дверьми последнего вагона. И ужаснулся – они были закрыты, задраены. Обезумевший зампотыл заметил чью-то фигуру за пыльным стеклом и, стараясь бежать вровень, отчаянно замахал руками. Человеком за стеклом был Саша Бескудников. Тот самый Бес, уболтавший в первый же день вагонную «Мерилин Монро» на получасовое совместное проживание, а затем, протрезвев, трусливо гасившийся от её томных попыток продолжить начатое общее ведение хозяйства. Вот и сейчас, докуривая третью сигарету, он в тамбуре переждал её увеличившуюся активность. Тыловика Бес увидел сразу же, но, обладая странным чувством юмора, решил поиздеваться над несчастным бегуном.

С белогвардейским выражением лица, выпуская дым в стекло входной двери, он демонстративно не замечал несвязных выкриков и нелепых прыжков, чемпиона мира по бегу среди тыловиков. Стараясь придать своему взгляду мудрость, уставшего после сложной операции, хирурга, Саша начал вальяжно отворачиваться от окна.

– А-а-а-а!!! – разорвалось сердце Юры Бабаева, в перерыве вдоха-выдоха Бескудников, туша сигарету в банку, «вдруг случайно заметил», уже потерявшего надежду зампотыла.

Всем своим видом, обозначая озабоченность и отзывчивость спасателя международного класса, Бес споро задёргал засовами и задвижками. Рывком открыл дверь и, посторонившись, пропуская засипевшую нижнюю полку перекрытия, заорал:

– Братуха-аа!! Давай руку-у!

Дернувшись в героическом прыжке, Бабаев ухватил протянутую ладонь. Натужно крикнув, Бескудников потянул на себя плотное тело с заплетающимися ногами. Совместными усилиями они ввалились в узкое пространство вонючего тамбура. Бес на ногах удержался, но Бабаев, по-бабьи охая, сел задницей на грязный пол. Грудь его от стремительного бега вздымалась, глаза налились влагой, в уголках рта пузырилась сухая пена. Саша, с трудом сдерживая гадливую улыбку, сочувственно спросил, на «вы»:

– Как у Вас? Нормально? Доктора быть может?

Понимая, что вызов доктора, предаст его конфуз огласке, тыловик отрицательно замотал головой, выставив потные ладони вперёд. Говорить он всё ещё не мог. Продолжая зарабатывать очки, Саня присел на корточки и участливо посмотрел на спасённого:

– Дверь закрыть? Или пусть обдует?

⁶ Зелёный ряд – списанная техника (сленг).

Утвердительный кивок. Понимай, как знаешь. Спустя минут пять, Бабаев обрёл дар речи, первым делом попросив Сашу не разглашать происшествие.

– ... А то начнут лыбу давить... Ну, вы меня понимаете...

Просьбу тыловика подкрепил обещанием не остаться в долгу. Бес, ответствуя, прижимал руки к груди, давал слово аспиранта МГУ.

Словом, в присущей ему манере, при общении с руководством, кривлялся и позировал. Что, впрочем, принималось, неискущённым в оперских интригах Бабаевым за чистую монету.

Надо ли говорить о том, что к вечеру весь эшелон обсуждал эту гонку преследования.

Где-то в ростовской области вологодский «подкидыш» маневровый тепловоз спустил с горки. Это такой способ сцепки товарных вагонов, который не требует филигранной четкости стыковки, ввиду отсутствия каких-либо последствий для грузовых составов. Чего не скажешь про вагоны пассажирские. Мягкое, вкрадчивое движение степенно набирало ход. Вот за окнами проплыло здание товарной станции, затем переезд, опущенный шлагбаум... И вдруг жёсткий стык многотонного удара потряс эшелон. Загремела, сметаемая инерционным движением, посуда со столов, сумки, лежащие на третьих полках. Те, что потяжелее полетели вниз, на головы, полегче перескочили на соседние.

Кто-то из пассажиров, не успев ухватиться, повторил участь баулов, а один из мобовцев, бережно несший кружку с кипятком, обварил себя и парочку корешей.

В первом купе все только проснулись и сползли на нижние полки. Лавриков и Долгов получили на колени всё, что находилось на столе и, Катаева, сидевшего напротив. Миша Кутузов ударился грудью о край стола, но стоически переносил боль, морщась и потирая ушибленное место.

Много всего было за эти пять дней. Но по мере приближения к границам Чеченской республики личный состав всё-таки вынырнул из перманентного опьянения, нарушений дисциплины и мелких бытовых конфликтов.

Солнечный день в полной мере главенствовал в атмосфере. Уезжая из Вологды, покрытой лишь проплешинами оттайки, здесь менты увидели набухающие почки и пробившуюся светло-зеленую травку. Искрились, зашлифованные миллиардами колёсных пар, железнодорожные рельсы. Существующие по ходу движения поезда, послабления закончились. Снова были задраены выходы, запущен приказ «не выходить» и «приготовиться к строевому смотру».

... Неровный повторяющий изгибы железнодорожной насыпи, строй замер вдоль вагонов.

... – Наш эшелон подошёл к границам Чечни. Детство закончилось. Дальнейшее продвижение будет проходить в условиях, приближённых к боевым – голос полковника Куликова то относил ветром, то возвращало обратно, усиливая характерное «р» – Бронепоезд «Кузьма Минин» проведёт нас до Ханкалы. Это крайняя точка нашей поездки. Дальнейшее продвижение в Центр Содействия Грозного будет осуществляться автотранспортом. Старшим подразделений проверить оружие и обмундирование! – отдал команду полковник.

Пока шла проверка, Куликов отошёл к вагону, из которого выпрыгнул связист и, с минуту поколдовав над трубкой спутникового телефона, подал его полковнику.

– Товарищ генерал! – донеслось до шеренги, но Куликов, повернувшись спиной к подчинённым, перешёл на полтона ниже. Дальнейшее, из его доклада расслышать не удалось.

Стоявший в конце строя, ближе всех к голове состава, Костя рассматривал бронепоезд. Само название было тяжело прилепить к этой конструкции. Ничего общего с аналогом гражданской войны, она не имела. Обычная железнодорожная платформа, усиленная бронелистами с ЗУ (зенитная установка), смотрящей в небо. Края платформы, также обваренные бронелистами, были обложены мешками с песком. За «рулём» ЗУ-шки сидел солдат-срочник, ещё двое пулеметчиков расположились с боков. Остальные бойцы желдорбата, ожидая начала движения, перекуривали, спрыгнув на щебень около состава.

– По вагонам! – разнеслась команда и строй, сломавшись, распался на две части, каждая из которых скучилась около своих вагонов. Железные коробки всасывали в себя человеческую змейку. Миша Кутузов в очередной раз обошёл по проходу личный состав. Все на месте. В его отсеке, облачённые в камуфляжную форму, попутчики, молча смотрели в окно. Раздался протяжный гудок тепловоза и состав качнуло. Поехали, прошелестело по вагону.

Через час поезд, на предельно малой скорости, катился по территории мятежной республики. Пейзаж изменился «в плюс» – ярче светило солнце, трава, раскинувшихся полей зелена ещё веселей. Всё-таки по мере продвижения вперёд, близость военного положения ощущалась. На разъездах вместо будок мрачнели блокпосты, затянутые в массеть. На дорогах чаще мелькали зелёные кузова армейских «Уралов» и «Камазов». Да и в вагоне гогот и весёлые возгласы уступили место спокойным разговорам вполголоса, отчего стало непривычно тихо.

Саня Долгов с интересом, практически не отрываясь, смотрел на законные картины. Свежий ветерок через открытое окно врвался в купе, разряжая воздух, цепляя мыслями о весне и лете.

– Шесть лет не был... – повернувшись от окна, сказал Саша, – и не рассчитывал снова приехать... Довелось...

– Пока интересного мало, Саш... Вот в Грозный заедем, там будет, что посмотреть... – Костя вспомнил руины чеченской столицы.

– Когда я был в первой, там во многих жилых домах и окна-то целы были.

– Сейчас, наверное, и домов этих нет, – усмехнулся Катаев. Перед глазами всплыла картинка подрыва шестнадцатиэтажных «точек» вокруг «Минутки». Саша Лавриков подавшись вперёд, взял со стола бутылку минералки и, с хрустом, свернул крышку. Отпив глоток, спросил Мишу:

– Михаил, как всё-таки в дальнейшем будем?... Что у боссов слышно?

Кутузов посмотрел на него, потом глянул в проход:

– Ладно, давай без передачи... – и, понизив голос, поделился служебной информацией.

По приезду в Ханкалу, эшелон самостоятельно начинает разгрузку. То, что на ПВД⁷ осталось от предшественников, годится только для баррикад. Именно по этой причине, к основным вагонам состава, прицепили контейнера с мебелью. «Живых» автомобилей тоже не осталось, поэтому УАЗы, первоначально планируемые для передачи чеченским милиционерам, решено было придержать для своих нужд. Тем более по бумагам они вообще списаны. Центр содействия, куда направлялись вологодские сотрудники, именовался Фрунзенским, по району дислокации. Всего город был разделён на четыре участка: Фрунзенский, Куйбышевский, Фабричный и Староремесленный, имея, соответственно четыре РОВД и четыре Центра Содействия. Силую поддержку всех спецопераций (если таковые будут) сотрудников КМ обеспечивают бойцы череповецкого ОМОНа, которые уже на месте. Охрану периметра ПВД будут осуществлять милиционеры ППС⁸, входящие в блок МОБ и едущие в соседнем вагоне. По мнению руководства УВД сорока человек на эти цели должно было хватить. В случае необходимости, задействуется комендантская рота.

В Ханкале, личный состав, весело и дружно, разгружает вагоны и, также, на бодряке, дождавшись «коробочек», пристраивает к ним в колонну, сгруженные УАЗы и «пилит» к ПВД. Просто и конкретно.

Поезд замедлил ход и практически остановился. В панораме обзора появилась неширокая линия реки. «Терек», понял Костя. Тут же, практически вплотную к вагонам, вырос пост охраны моста. За линией мешков с песком показалась чумазая солдатская физиономия. С дет-

⁷ ПВД – пункт временной дислокации.

⁸ ППС – патрульно-постовая служба.

ской непосредственностью воин в нахлобученной каске – угроза НАТО – помахал проходящему поезду. Вторую руку боец по-хозяйски положил на стоящий рядом пулемёт.

Осторожно, словно переступая шпалы моста, состав перебрался на другой берег. Вот теперь можно напрягаться. За Тереком уже немного другая ситуация. Катаев, Долгов и любой другой «второход» это точно знали.

Глава II

Город встречал апрельским солнцем, дорожной затхлостью и уличной торговлей. Лотки и их подобие попадались не реже одного на сто метров. Торговали тряпьем, продуктами, алкоголем и канистрами с рукописными табличками «Хороший бензин».

Нечастые прохожие, не желая попадать в облако автомобильного очарования, привычно сваливали с обочины. Чуть поубранные руины домов пока ещё не пугали, а тех, кто это видел впервые, лишь музейно заинтересовывали.

«Первоходы», очаровашками пялились по сторонам, изредка кто-нибудь знающе тыкал пальцем и авторитетно пояснял: «Кумулятив...» Те же, кто хоть каким-то краем своей жизни касался реальной, не полигонной стрельбы, мрачней, сужали глаза в неконтролируемом напряге.

Романовский мост... Проспект Победы... Рынок... Драмтеатр... Площадь трёх дураков... Красный молот...

Эрмитажевским экспонатом, посреди оживающих местами руин, вынырнуло девственно-розовое здание «Грозэнерго». Ни одной пулевой выбоины или осколочной насечки, весёлые шары освещения на углах ограды и, важнопохаживающая по периметру прилегающей брусчатки, охрана в американской – «Буря в пустыне» – форме.

– Уважают Чубайса-то, – прочитав выложенное крупными буквами, название, хмыкнул в сторону здания водитель УАЗа Юра Окунев.

Договорить он не успел, впереди идущая машина резко заложила вираж влево. Юрка, сопровождая визг выворачиваемого руля, лёгким матерком, повторил манёвр. Неширокая площадь упиралась в вдвоенные железными воротами проезда двухэтажное здание, примитивная, но эффективная от шахидских атак, змейка, бетонными блоками и мешками с песком, примыкала к воротам.

– Приехали, – не поворачивая головы, сообщил Кутузов, – выходим граждане.

Нотка облегчения в его голосе была неподдельна. Суматоха двух последних дней осталась позади. Как принято в любой силовой структуре задача поставленная – задача исполнен-

ная. Прибывшему личному составу необходимо было в максимально короткий срок разгрузить вагоны, согнать технику и, не мешкая, выдвинуться к месту прохождения службы.

Первым делом, в лучших традициях силового экстрима, было выброшено содержимое товарного вагона, затем, под руководством, семенящего вдоль полотна, тыловики были сгружены автомашины. Первая часть поставленной задачи была выполнена в рекордные сроки. По увещаниям Куликова, вот-вот должны будут подойти «коробочки» сопровождения. И едем. Толкнув этот спич, Куликов, вместе с Елиным оставили старшим зампотыла и, загрузившись в «буханку», укатили в сторону палаточного городка.

За десять минут до убытия, в эту машину два дюжих омовца, из пристяжи, затащили какие-то коробки. На въезде УАЗик ощутимо трянуло и, все, находившиеся около разгруженного барахла слышали предательский бутылочный звон.

Через пару часов пошёл дождь. Томительное ожидание затягивалось. Обещанных «коробочек» не было. Весь личный состав забрался в вагоны и, меланхолично, наблюдал как размывает под монотонным дождём, выволоченная из контейнеров мебель.

Только к середине следующего дня к эшелону подлетел бронированный УАЗик из которого вышло двое фуражкокамуфляжных. Бабаев понёсся к ним в надежде разрешить ситуацию, но приехавшие, с нескрываемым удивлением, слушали заявления тыловики. В итоге выяснилось, что товарищи просто искали Куликова и Елина, с которыми по их словам «в одном окопе сживали». Уехали и они.

Лишь на следующий день, закидав в прибывшие «Уралы», потяжелевшую от влаги мебель, одуревшие от железнодорожных впечатлений, вологжане двинулись прочь от шпал, рельсов, стрелок и пластико-дермантинового ада плацкартных вагонов.

* * *

Личный состав отдела КМ насчитывал 12 человек, учитывая Лаврикова и Кутузова. Все опера, полным числом, уже второй час, забив собой некое подобие «ленинской» комнаты, в здании комендатуры, слушали речь руководителя Центра Содействия полковника Жоганюка. Прибывший дней за десять до подчинённых, он считал, что в полном объёме овладел оперативной обстановкой. Наверное, поэтому его речь часто сводилась к общим фразам и изложению статей центральных СМИ. Как-то незаметно всё это подавалось его личной точкой зрения, основанной на глубоком анализе предмета, десять дней – это срок. Схема работы, озвученная полковником, выглядела следующим образом.

Все источники, сиречь агенты, обязаны, предвзято свою деятельность по освещению оперобстановки, осуществить с ним контрольную встречу и, лишь потом, при положительном вердикте, приступить к работе, сиречь к «стуку». Любые ОРМ⁹, должны быть согласованы и только с его, Жоганюка, разрешения, проведены.

Основная цель КМ – оказание практической помощи местным отделам внутренних дел, при этом в общении с коллегами необходимо «следить за базаром». Ещё много чего было сказано, что можно было бы подытожить фразой: «В настоящее время командованием ОГВс введено положение «Стоп-колёса».

– Так что лазать нигде не получится, – строго оглядел, развалившихся в переднем ряду Бескудникова, Катаева и Долгова, суровый полковник.

После этой скомканной концовки, последовало традиционное для наших сборищ:

– Всё ясно? Вопросы?

Вопросов было миллион, но опера, собравшиеся в зале, людьми были бывальыми, поэтому, угадав в Николае Ивановиче, непрошибаемого догматика, благоразумно решили

⁹ ОРМ – оперативно-розыскные мероприятия.

вопросов не озвучивать. В данный момент всем хотелось только одного – побыстрее разобрать сваленные в запыленном кубрике, сумки, умыться с дороги, обустроиться и банально пожрать. Поэтому слова Жоганюка: «Ну, коль скоро нет вопросов...» потонули в грохоте отодвигаемых стульев.

Выпроводив подчиненных, полковник Жоганюк присел за свой стол и, жестом бюрократа, сгрёб в аккуратную папочку свои бумаги. Ему был 51 год, командировку в ЧР, заместитель штаба УВД, рассматривал дембельским аккордом в своей карьере, начавшейся в райцентре – селе Вынога и, возможно, так бы и закончившейся, если бы не случайная встреча с земляком, выпускником Академии, ловко ввинтившемся в сложную структуру управленческого аппарата.

Загоревшийся желанием зарабатывать что-нибудь существенней «песочных наград», Николай Иванович, упросив своего приятеля, совершил карьерный кульбит, позволивший пройти согласование, сначала на должность в штабе УВД, а затем и начальника Фрунзенского Центра Содействия ЧР.

Рожи новых подчинённых ему очень не понравились наглостью нахальных глаз и субординационной развязанностью. Привыкший подавлять в родном райцентре любые попытки инакомыслия тяжестью полковничьих погон, он не ощутил у прибывших привычного трепета.

Раскрыв ежедневник, полковник Жоганюк сдвинул кустистые брови:

... Трудотерапия... – соскользнуло с его сухих губ, одно из любимых слов.

Пунктом номер один, на чистой странице появилась первая запись: «Обложить входы-выходы внутреннего двора, провести ПХД, наметить учебно-методическое занятие и пр.» Захлопнув блокнот, он вышел из-за стола и покинул кабинет, размышляя какими мероприятиями заполнить это самое «пр.».

* * *

Прошла первая неделя. Распоряжение «стоп-колёса» до сих пор не было снято. Все отделы Центра, как проклятые, ишачили на хозяйственных работах. Мобовцы под насмешливыми взглядами «контрабасов» комендантской роты таскали на своём горбу мешки с песком на крышу здания комендатуры. Там пэпэсники усиливали обороноспособность гнезда ЗУ¹⁰. Отдыхающая смена дежурной части мела плац и дворы. Штабные «волкодавы», как муравьи, волокли всё что не приколочено (стулья, полки, сейфы) к себе в «офис», для придания рабочей обстановки.

Отдел КМ разместился в основном складском корпусе «Главчеченснаба». Здание было настолько большим, что в нём, как в голландском сыре, с нескольких сторон зияли входы для жилых помещений разведвзвода комендатуры, череповецкого ОМОНа, отделов КМ, штаба и ППС. В нём же присутствовала столовая и, с обратной стороны, пара помывочных помещений. Соответственно, весь корпус был разделён перегородками для удобства функционирования кубриков. Каждый вход, за эту неделю, привели к единому стилю – обложили мешками с песком стеной в человеческий рост, с возможностью только бокового прохода в помещения.

Отдел МОБ, заселившись на второй этаж комендатуры, добротной и снарядоустойчивой, как уже было сказано выше, тоже не избежал горькой участи рабочих лошадок. Обе двухэтажки – комендатура и прокуратура – фасадной частью выходили на площадь, с неизменными палатками, корабейниками и шашлычными. Подходы к территории с боков защищали неиспользуемые складские корпуса в кирпичном исполнении полметровой толщины стен. Замыкало периметр оборонительных рубежей, притулившееся с задней части воинское подразделение МЧС. Посреди этой цитадели и располагался муравейник обжитых корпусов.

¹⁰ ЗУ – зенитная установка.

Солнце свалилось за края видимости, оставляя одноцветное лекало заката. Оперативники сидели в курилке и, ожидая вечерней поверки, лениво перекидывались фразами.

– Скоро отупеем с нашим руководством... Строем будем ходить и «Катюшу» петь перед сном, – выпустив сигаретный дым из ноздрей, сказал Рябинин.

– На следующей неделе Жоганюк пообещал встречу с сотрудниками УР Фрунзенского РОВД, – донёс до собеседников перспективу опер по линии НОН¹¹, Серёга Капустин, – так сказать, по обмену опытом и оперинформацией...

– С поцелуями взасос и хлопаньем по булкам, – продолжил Бескудников и, вдруг взорвался, – как он задолбал меня!.. Сегодня залетает в кубарь, я лежу, сплю, никого не трогаю... Он, как заорёт: почему не на ПХД¹²!..

Все заинтересованно слушали Беса, по той причине, что тоже профилонили хозработы, прозагорав на крыше нежилого корпуса.

... Я лежу, он меня за плечо трясёт... я глаза рукой прикрываю и ой-й, бл...!.. – растягиваясь в ухмылку говорил Бес, – он, короче, отскочил... Я ему: кто здесь? Он мне, чего не видишь что ли? Я ему и говорю: а-а, это вы, товарищ полковник! Вот, мол, листы для укрепления ворот сваривал и «зайчика» поймал. Доктор отправил в темноте полежать... Говорит ослепнуть могу...

Бес выдержал почти мхатовскую паузу.

– А он? – ожидая очередной каверзы, чуть не хором, овопросили Беса опера.

– Что он? Пожелал здоровья и пошёл вон...

– Слышь, Сань, а откуда у нас сварочный аппарат взялся? – спросил Рябинин.

– Так вот, Жоганюк и вернулся это спросить...

– Ну?

– А я уже к Долгову и Катаеву в спортзал свалил. Пересидел там.

– Так один хрен спалился...

– Если бы спалился, то он бы уже с приказом о наказании бегал... Я же с ним базарил и рожу закрывал, он и не запомнил мой благородный профиль.

Опера дружно рассмеялись. Вынужденное безделье начинало тяготить. Наваленные Жоганюком, функции хоззвода откровенно бесили. Обещания полковника завалить информацией и взвинтить масштабную практическую деятельность, так и оставались фикцией. В принципе, Николай Иванович был неплохой мужик, но его желание «пересидеть», не вязалось с мятежными натурами, рвущихся в бой оперативников. Из всего комплекса планируемых мероприятий в город выезжала лишь оперативная группа, да и то лишь на подрывы с человеческими жертвами или двойные-тройные убийства. Формат работы по этим происшествиям заключался в том, что опергруппа, включая водителя, занимала посты боевого охранения ближнего рубежа (дальний обеспечивали бойцы ОМОНа), а следователь горпрокуратуры спешно царापал протокол осмотра места происшествия. Местные менты, если потерпевшие не были их знакомыми, цокали языками, о чём-то между собой переговаривались и уезжали. В случае преступных посягательств на федералов, к месту нападения стягивались «коробочки», вэвэшники, СОБРы-омоны и в округе проводилась демонстративная «зачистка», никогда не приносящая результатов. Последний раз такие мероприятия проводились, когда на Староремесленном шоссе неизвестные расстреляли троих офицеров Центральной комендатуры. Выскочившие в числе первых – убийство произошло в двухстах метрах от ПВД – череповецкие омовцы были встречены одиноким автоматчиком, атаковавшим бойцов из-под крыши трёхэтажного здания. Получив ответ из восьми стволов, «дух» ретировался. Однако один из парней, Лёха Драгунов выхватил пулю 7.62 в голень. Участие в этой перестрелке принимал Саня Таричев, с годовым стажем, опер отдела КМ, который и рассказал о произошедшей глобальной общевойсковой операции.

¹¹ НОН – незаконный оборот наркотиков.

¹² ПХД – парково-хозяйственный день.

Решение что-то менять, в закаменевшей ситуации, нарастало с каждым днём. По этой причине, затянувшаяся сегодня, посиделка переросла в пленарное заседание. Ждали только некурящих Катаева и Долгова, задерживающихся в омовском спортзале.

– Ваша бодрость раздражает уже, пионёры, – улыбаясь, встретил Бескудников недостающих оперов.

– Хочется быть похожими на тебя, – отшутился Костя.

Саша добавил:

– О, стройный как кипарис и прекрасный как гладиолус...

Курящие, раздвинув круг, впустили опоздавших. Те, не сговариваясь, присели на корточки.

На правах неформального лидера (майор Кутузов по приезду как-то сразу дистанцировался, поселившись у Лаврикова, в секретной «кондейке»). Серёга Рябинин начал:

– Пацаны, давайте сразу все моменты обговорим... Кому охота на шару протусоваться, без драйва и экстрима, хм... Можете сразу уйти... Без обид...

Рябинин обвёл взглядом молчаливых оперов. Никто не шевельнулся.

– Через месяц вернётся Куликов (сопроводив эшелон до места, полковник убыл в Вологду), – продолжил, удовлетворённо хмыкнув, Сергей, – спросит за результаты, причём не этого клоуна, – он мотнул головой в сторону комендатуры, – а с нас, сами знаете почему...

Парни знали. Полковник Куликов формировал оперское подразделение первой смены, только из тех, кого знал лично или о ком имел представление. К тому же не исключалась вероятность того, что через полгода, он возглавит Управление Мобильного отряда. Для того, чтобы быть в теме нужны оперативные позиции, набитые схемы и готовые разработки. Зная опыт и работоспособность этой команды в боевых условиях, в результатах он не сомневался. Как и в том, что, уезжая, они всё собранное замкнут на него.

– Так ты чего, Серый, предлагаешь? – не выдержал, самый молодой из собравшихся, Таричев.

– Мне надо свалить в Гудермес, у меня там «человек» информацию может подкинуть, – ответил Рябинин, – одному мне не с руки, нужна вторая машина, там нервничают иногда.

– Да и одному-то машину за ворота никто без разрешения не выпустит, – подал голос Ваня Поливанов, спортивный парень, лет двадцати пяти. До ментовки он служил по контракту в дивизии имени Дзержинского и не понаслышке знал что такое «стоп-колёса».

– Есть одна идея... Мы тут в спортзале с Луковцом пообщались, – переглянулся Катаев с Долговым, – правда полукриминальная...

В их глазах плясали весёлые огоньки.

– Что за идея? – задал вопрос Рябинин.

– Ну в общем так... через день, Серёга Луковец, как замкомандира отряда, посещает коменданта и тот выписывает ему одноразовые пропуска на случай экстренных выездов... Вот... У коменданта в столе их целая стопка, с печатями и подписями. Только число проставить... Короче, наш Жоганюк там же эти пропуска берёт...

– Ну это мы и так знаем... – Рябинин сдёрнул обёртку с новой пачки сигарет.

– Фишка в том, что Луковец может на пять минут выдернуть «Удава» из кабинета, при удачном раскладе можно занырнуть и спи... ть штук десять бланков... Всё равно их никто не считает...

«Удав» был позывным коменданта Фрунзенского района.

– Попалиться можно, – протянул осторожный Сергей Липатов, опер одного из райотделов, склонный к глубокому анализу любых событий.

– Можно, – Костя похлопал его по плечу, – да мы с Саней, вообще хотели вам сюрприз сделать... Сползть втихаря... Завтра как раз Луковца день...

– Ну, бляха, тихушники! – засмеялся Бескудников, – а братву по бороде! Я тоже участвую!..

– Ты приметный больно... – притормозил его порыв Рябинин, – от нас то, Костя, чего?

От нас Луковцу два пузыря, только нашей, вологодской водки, обещание брать их на реализации и крепкое комсомольское рукопожатие.

– Говно вопрос! – усмехнулся, поднимаясь со скамейки Рябинин.

– Значит с вас завтра пропуска! – торжественно постановил Ваня Гапасько, опер по розыску, который ещё вчера укрепил титановыми листами старых бронежилетов, закреплённый за ним УАЗ. Больше всего ему хотелось опробовать машину на ходу.

– Такие светлые мысли надо обмывать, – весело брыкнул Бес – ну, после вечерухи, естественно...

Возражений не последовало.

На следующий день Долгов и Катаев с утра исполняли номер «непринуждённая беседа» в коридоре второго этажа, рядом с кабинетом коменданта, полковника с редкой фамилией Иванов.

– ... Сергей Сергеич, буквально на минуту... Для нашей череповецкой газеты... – дверь заскрипела и в проёме показалась крепкая фигура замкомандира ОМОНа Луковца, – пару кадров.

– Может в кабинете? – выразил сомнение, уже стоящий в дверях комендант.

– Не будет фронтового очарования... Да и при естественном освещении лучше качество будет... – выйдя в коридор, взял под локоток полковника Сергей.

– Тогда пару номеров подаришь, – вальяжно удаляясь от незапертых дверей, поставил условие Сергей Сергеевич.

– Об чём речь! – с интонациями булгаковского Коровьева, вскричал Луковец, – хоть десять!

Дождавшись, когда офицеры скроются, Костя метнулся к дверям кабинета.

– В случае шухера свисти, – шепнул он, вставшему на «атак» Долгову.

– Я свистеть не умею, кашлять буду, – также шёпотом ответил Саша.

Костя махнул рукой и заскочил в кабинет. Секунды превратились в часы. Долгов, похаживал по коридору, прислушиваясь к шуму на улице. Второй этаж был пуст, вся мобовская свора облагораживала территорию, замкоменданта со вчерашнего пережора маялся похмельем и никаких выходов на службу не планировал, Жоганюк гонял чай в прокуратуре.

Дверь тихонько открылась. Долгов обернулся и увидел, слегка припотевшего, но утвердительно моргнувшего обоими глазами, Катаева. Еле сдерживаясь, чтобы не дунуть во весь опор, напарники спокойно пошагали на выход. В коридоре первого этажа, напротив дежурной части, Луковец из последних сил держал сфотографированного ракурсах в семи-восьми, коменданта.

– Эту газету всё руководство «Северстали» читает, – втирал он полковнику, а, увидев оперов, скруглил разговор, – ну, до свидания, не смею вас более задерживать...

За похитителями бланков хлопнула входная дверь.

Глава III

Уазик весело пылил по направлению к Ханкале. Первая попытка выехать по краденым пропускам увенчалась успехом. Равнодушно взглянувший на настоящую печать и, не совсем настоящий росчерк «комендач» дал команду записать в журнал данные автомобиля (номерок, конечно, левый, скрученный со сгоревшей машины, стоящей на заднем дворе). Ворота, тоскливо заскрипев, выпустили машину на оперативный простор. Выезд решили осуществить одной единицей, пробный, до Ханкалы, где на постоянной основе базировались ОСН¹³, «Рось» или «Визирь», в комсоставе которых у Рябинина было достаточно знакомых, что при общении в рамках боевого содружества, лишним никогда не бывает.

Легко и непринуждённо проскочили улицы Грозного, таящие для любой федеральной техники потенциальную угрозу обстрела или подрыва, лишь на блокпостах сбрасывая скорость, чтоб бойцы могли разглядеть славянские рожи за стеклом. Остановка была лишь одна, на выезде. Бдительные бойцы Курганского СОМа, придирчиво осмотрели пропуска, удостоверения, вкладыши и, наконец, пожелав, сидящему за рулём Рябинину счастливого пути, подняли шлагбаум.

– Почаще поездим, примелькаемся, тормозить не будут, – выставляя на лобовое стекло табличку «Гроз энерго», сказал Рябинин.

Катаев, сидящий рядом, вытащил изо рта комок жвачки и укрепил картонку. Это была тактическая хитрость. Как правило, если по улицам города, где трудно разобрать кто боевик, а кто мирный житель, ехал УАЗ, увешанный на дверях бронезилями, то сомнений не возникало – федералы. А тут как уж судьба-злодейка распорядится: фугас, автомат, гранатомёт.

Вполне мирного вида, вологодский УАЗ, без хлопающих, как уши спаниеля бронезилов, с табличкой «Грозэнерго» или «Грозсвязь» на лобовухе, не возбуждал нездорового интереса охотников за скальпами.

Военную принадлежность автомобиля выдавала только снятая с петель дверца, так называемого «собачника», и то если удавалось разглядеть в его глубине, сидящих на прикрытии автоматчиков. Да и увидеть это можно было, лишь когда УАЗ, в клубах дорожной пыли, укачивал вдаль. То есть поздно.

В экспедицию выехали, помимо Рябинина и Катаева, ещё Поливанов, Долгов и Бескудников. Остальные оперативники должны были отсвечивать на виду, периодически, приставая к Жоганюку и Кутузову с дурацкими расспросами о ситуации в республике и подношением справок и отчётов.

– Найдёшь их палатки-то? – спросил Костя у Сергея, когда при въезде в Ханкалу, солдат-срочник, проверив документы и, стрельнув сигарету, пропустил их на территорию «Пыльного города».

– Да они их не меняют... Когда «Визирь» уезжает их «Рось» меняет, – притормаживая перед очередной ямой, сказал Рябинин.

– Серый, а с каких пирогов они информацией будут делиться, – развалившись на заднем сиденье, спросил Бес.

– Они здесь постоянно... Их все знают – они всех знают... – не поворачивая головы, ответил Сергей, – я с ними ещё в прошлой командировке работал... Семьдесят процентов информации они не реализуют, не успевают. А делиться... Ну ты, понимаешь, только кому доверяют...

Бескудников понимающе кивнул. Катаев тоже согласно усмехнулся. Действительно, иной раз сведения, отданные в смежные структуры, не только не заканчивались реализацией, а,

¹³ ОСН – отряд специального назначения.

наоборот, увеличивали статистику убитых или пропавших без вести, по странному стечению обстоятельств, сотрудничавших с федералами. Поэтому иногда, информацию лучше похоронить без отработки, чем передав её, похоронить агента.

– К кому? – по-жлобски хмуро, спросил крепкосбитый солдат на въезде в расположение ОСН, не взглянув на документы.

Совсем мальчишеское лицо не вязалось с накачанной фигурой и строго насупленными бровями.

– К Щепёткину, – открыв дверь и, не выходя из-за руля, ответил Рябинин.

Боец отошёл в сторону и что-то спросил в рацию.

Рядок больших армейских палаток, скамейки, турники, курилка – кусок спецназовской территории огромным пазлом вписывался в картину военного города, вросшего в поле в паре километров от Грозного.

– Кто? Как представить? – видимо услышав ответ на запрос, подошёл к машине солдат.

– Краб – четвёртый, – назвал, свой позывной по первой командировке, Сергей.

Воин продублировал. Сразу же получив ответ, он мгновенно оттащил козлы, заменяющие шлагбаум, в сторону.

– За палатками налево, до конца, – махнул солдат, проезжающему УАЗу.

– Рябина!! – двухметровый детина, в свитере с погонами старшего лейтенанта, не дав Сергею выйти из машины, практически выдернул его наружу, – Опять здесь! Ты ж зарекался!

– Чего с пьяных глаз не скажешь, – отходя от дружеских, но увесистых хлопков спецназовца, улыбнулся Рябинин.

– Парни, знакомьтесь – Саша Щепёткин... Человек-пароход, – представил старлея своим товарищам Сергей.

Минутная пауза, сопровождаемая рукопожатиями и обменом именами. Саша Щепёткин пригласил всех в палатку. Несколько кроватей, висящие на их дужках автоматы, стол, буржуйка с, выходящей в оконце трубой. Элементом цивилизации в дальнем углу виднелся моноблок.

– Из офицеров мы здесь втроём, – широким жестом, приглашая всех садиться, забасил Саша, – Лёха со своими на кроссе, а Андрюха ещё со вчерашних РПМ¹⁴ не возвращался.

– Мы с сопроводительными, – Рябинин выставил на стол две бутылки «Абсолюта» и одну сувенирную «От Деда Мороза».

Саша в задумчивости потёр подбородок.

– Пообщаться хочешь? – лукаво улынувшись, спросил он, – так я и без бухла, всё рассказать могу...

– Это от души... Нам ведь обратно возвращаться надо сегодня, – Серёга понял, что его жест превратно истолковали.

– Ну, пойдём, покурим... – Спецназовец первым вышагнул из палатки и, уже с улицы, – парни, чувствуйте себя как дома, включайте видик...

– Мы тоже покурим, – Бескудников с Поливановым, после минутной паузы, вышли за порог.

Долгов присел перед телевизором, перебирая стопку видеокассет около колченогой, явно откуда-то «зачищенной», тумбочки. Костя сев за стол осмотрелся повнимательней. Мягкий свет заливал внутripалаточное пространство из ряда окошек с обеих сторон, купол палатки уходил вверх, создавая эффект шалаша из далёкого детства. Оружие и армейские ящики довершали картину военного уюта.

– ... Моя попытка номер пять! – заорал динамик моноблока и на экране появилась ломающаяся красotka.

¹⁴ РПМ – разведывательно-поисковые мероприятия.

Саша присел за стол и, лишённые третью неделю женского общества, мужики вперились в телевизор. Зашли в палатку и присоединились к просмотру Поливанов с Бескудниковым.

– Долго они там ещё? – спросил Катаев, на секунду оторвавшись от экрана.

– Да там этот «Визирь» на турнике уже раз сто подтянулся, – хмыкнул Бес, – пока с Рябиной базарил...

Кассета с клипами закончилась, Саша полез её менять, как около входа в палатку послышался характерный басок Щепёткина.

– Ну, чего парни, пойдём к нам в жральню, – весело спросил он, переступив порог.

– Саш, мы же типа в самоходе, – ответил Рябинин и все заулыбались, – нам до обеда в часть, тьфу, бл... в контору вернуться надо...

Выйдя из палатки первым, Катаев, пользуясь тем, что опера решили курнуть по последней, завернул к турнику. Растрясти, сжавшийся от тяжести броника и разгрузки, позвоночник. Скинув амуницию, Костя запрыгнул на перекладину. Подтянувшись и пару раз повертевшись, он собрался уже к машине, как заметил около дальней палатки, непонятный акробатический этюд.

Двое солдат сидели по краям скамейки, спинами друг другу, а третий, стоял на сиденье между ними и вертел над головой солдатским ремнём. Лица у всех были серьёзные и сосредоточенные.

Ничего не поняв, Костя облачившись в броню, подошёл к УАЗу. Оперативники уже загрузились, а Щепёткин, стоя около открытой двери, говорил Рябинину:

– Серый, позывной знаешь... Трудно, конечно, на «боевом» докрикаться... Лучше, будет если по личняку подъедешь... Мы под вас без проблем РПМ выпишем... По «барабану»¹⁵ я тебе схемку накидал... Да и тебя он вспомнит... Он, когда ему интересно, всё помнит...

Поймав паузу, Катаев спросил про семафорящих за палатками бойцов.

– Эх, мусора! Ни хрена вы не понимаете про поставленную бойцу спецназа задачу... – с улыбкой, вздохнул Саша, – Лёха, ну, командир... Поставил задачу войнам, чтобы, когда он вернётся, подогнать вертолёт... Ха... Ему домой, к жене на день рождения надо смотаться, в Балашиху... Вот они и стараются... Настоящего вертолёта не смогли достать...

Похлопав по капоту машины, с разулыбавшимися операми, старлей махнул в сторону КПП:

– Выпусти!

Рябинин, уже отъезжая, проорал в открытое стекло, как дАртаньян:

– Мы ещё обязательно увидимся!

Суровый «капэпэшник» гораздо дружелюбнее, проводил взглядом, уезжающий УАЗ.

По дороге на базу, Рябинин поделился информацией, полученной от «Саши – «Визиря».

Его подразделение поменяло «росичей» не так давно. Месяц-полтора. Для них основное направление работы – горы. По мнению командования ОГВс¹⁶ то, что происходит в городе: подрывы-расстрелы – это совершают придурки, которыми рулят такие же придурки, только повыше. В прямом смысле. В горах. Финансирование идёт от арабов, шляющихся туда-обратно через перевал на российско-грузинской границе. В городе у «Визирей» есть пара стукачей, но пустые, как правило, работающие ещё на несколько структур. Как охарактеризовал их Саша «на ГРУ-спецназ-ДШБ-морпех»¹⁷. Правда, есть один пассажир, но скользкий... И информационно плотный...

– И где его искать? По хавирам и притонам? – раздался полный скепсиса голос Беса с заднего сидения.

¹⁵ **Барабан** – агент, секретный сотрудник, завербованный, конфиденент.

¹⁶ **ОГВс** – объединённая группировка войск (сил).

¹⁷ **ДШБ** – десантно-штурмовая бригада.

– Есть одна фишка... Вроде разок пацаны его через неё выдёргивали... Ох-е-ё... – преврался Рябинин, ухнув колесом в воронку. Сзади обиженно заголосили Долгов и Поливанов. Машина, на предельной для неё скорости, въезжала в город.

– На рынок около Первомайки завтра сходить надо будет... – продолжал Сергей.

– И чё? – снова брызги скепсиса долетели сзади.

– Хрен в очо! – раздражаясь, ответил Сергей, – других вариантов, все равно, нет...

Дальнейшую дорогу до Центра проделали молча. Враждебный город, несмотря на солнечный день, задавил улучшившееся после общения с «Визирями» настроение. Завернув на площадь перед ПВД, Рябинин тормознул около палатки шашлычника. По договорённости, Костя выскочил из машины и, краем пересекая площадь, двинулся на разведку. Оружие, бронник и разгрузку он, в целях конспирации, оставил в автомобиле. На минуту задержавшись около лотка, не обращая внимания на торговку, пытающуюся впарить ему весь ассортимент, купил пару лавашей. Для маскировки, держа их на виду, изобразил лёгкую походку, не глядя, «рожа кирпичом», миновал КПП.

Естественно, его никто не остановил. В кубрике тусовался только один Ваня Гапасько. Воровато оглянувшись на вошедшего Катаева, он продолжил, стоя к нему спиной, какие-то манипуляции около телевизора. Упреждая вопросы, Иван, не оборачиваясь, сказал:

– Пригрел видик из штаба, хе-хе... Всё равно у них два... Сейчас подключим и порнуху посмотрим.

– Где «Грач»-то? – вплотную подойдя к нему, негромко спросил его Костя. «Грач» был позывным Жоганюка».

Кошачья физиономия Ганасько сложилась в хитрую улыбку:

– До обеда, он пацанам у себя в кабинете, про жизнь свою героическую чесал... А сейчас его попросили устройство миномёта рассказать... Он всех на задок увёл, к батарее.

– А ты что?

– А я вот, пока он метлой мёл, видик раздобыл...

– Давно они там?

– Минут двадцать...

– Вернутся, наверное, скоро. Успеем заскочить-то?

– Да там надолго. Он у «Удава» какой-то ещё учебник взял... Хрен знает... Как хоть съездили? Не зря страдаем?

– Всё потом! – выбегая из кубрика, крикнул Костя.

Надо было успеть, не привлекая внимания, по тихой грусти, заехать на территорию.

На выезде, перед открываемыми воротами, рокотал двигателем, тентованный «Урал». Решив проскочить в ворота, минуя КПП, Костя приблизился к грузовику. В это же время машина начала движение и облако отработанных газов, рванувшихся из выхлопной трубы, после перегазовки, окутало опера с ног до головы. Выбравшись из участка задымления, он полубегом обогнал выворачивающую на «змейку» технику. В опущенное стекло водительской двери Костя увидел веснушчатое лицо водителя-срочника. Сидящий рядом, не намного старше солдата, лейтенант, по-американски отдал честь, злобно глядящему на них Катаеву и пихнул в бок водилу.

– Извините пожалуйста! Я вас не увидел! – крикнул, виновато улыбаясь, солдат.

Костя махнул рукой и «ничего страшного» улыбнулся.

Поманеврировав по «змейке», «Урал» выехал на Староремесленное шоссе и повернул в сторону «Красного Молота». Катаев подошёл к стоящим у палатки парням. На кособоком пластмассовом столике дымилась тарелка с крупными кусками мяса. Рябинин, Долгов и Поливанов держали в руках пластиковые стаканчики, а Бескудников зубами терзал недетский шмат на косточке.

– Вы чего, парни расслабились-то? На хера я как угорелый бегаю-то? – стараясь не сорваться, спросил Костя.

– «Стоп-колёса» с обеда отменили, – сообщил Рябинин, – отмечаем, присоединяйся...

И, не дождавшись ответа, набулькал в пустой стаканчик из стоящей под столом бутылки.

– Вон, Кутузов, видишь, около пивного лотка, с Лавриком, болтается, – показал Долгов, – нас увидел, глаза выпучил...

– ... и говорит, опять опера раньше всех про отмену «стоп-колёс» узнали, – оторвав наконец кусок мяса, с набитым ртом, подхватил Бескудников.

– ... Ну, мы гривой махнули и разошлись, – закончил, дождавшись, когда Бес снова заработает челюстями, Саша.

Опера молча протянули свои стаканы. Катаев, вздохнув и, поняв, что спорить бесполезно соприкоснулся встречным курсом.

Сначала показалось, что прогремел первый весенний гром, но почему-то все, находящиеся на площади привычно-машинально пригнулись.

– Бл... у «Красного Молота», по ходу... – сразу же прикинул Рябинин, – погнали, пацаны...

Бес вытащил из УАЗа пакет и, вытряхнув крошки, подставил его под сбрасываемое со стола куски мяса, зелень, лаваша и полупустую бутылку.

Катаев замер, прислушиваясь. Автоматно-пулемётной стрекотни не было слышно. Значит, просто фугас, без последствий.

Облако пыли стояло за лубочным зданием «Грозэнерго», где-то на Горьковской. Далеко-далеко завывла сирена, то приближаясь, то отдаляясь.

– «Керчь!» «Керчь!», ответь «Минску!» – Рябинин, вывернув громкость рации, вслушивался в переговоры Центра и Фрунзенского РОВД.

– «Минск!» «Минск!» У нас подрыв около «Красного Молота». «Как понял?!».

Рябинин, не слушая дальше, сунул говорящую коробочку в карман, полез за руль.

– Едем! – не спрашивая, а утверждая, сказал Катаев.

– Может наши, кто... – поворачивая ключ зажигания, ответил Сергей. Остальные уже сидели на своих местах. Развернув машину на пятачке около шашлычной и, пугая резким сигналом, без того ученый торговый люд, Серёга повёл её в сторону завода.

Староремесленное шоссе утыкается в Горьковскую улицу, образуя Т-образный перекресток. Вдоль целого квартала по Горьковской шёл глухой кирпичный забор, ограждавший территорию завода «Красный Молот». Эта стена, когда-то монолитноцельная, действительно выполняла свою функцию, но после двух войн зияла провалами, дырами и расколами. Для «духов» она была любимым местом по закладке фугасов во Фрунзенском районе.

Вот и сейчас, Костя увидел, когда их УАЗ свернул на Горьковскую, в оседающих клубах пыли, вывороченный, будто огромными щипцами, кусок стены и, усыпанную обломками кирпичей, улицу. На обочине, развернувшись от удара взрывной волны, поперёк проезжей части, стоял изуродованный «Урал».

Не подъезжая близко к месту подрыва, Рябинин остановил машину на обочине. Покинув салон, оперативники, держась противоположной от стены стороны улицы, укрывшись кто за чем, присели вдоль обочины. Сквозь пелену пыли было заметно движение с другой стороны от подрыва. Но кто и что пока не просматривалось. Вой сирены приближался. Из-за точечного шестнадцатиэтажного дома, вынырнула «девятка» гаишной расцветки, с панорамой на крыши. «Девятка» лихо перегородила дорогу, не отключая сирены с панорамой. Трое чеченских гаишников, с автоматами наперевес, цепью приблизились к УАЗу.

– Ваших? – спросил самый возрастной у вставшего к ним навстречу Бескудникова.

– Пока не знаем, – Бес посмотрел на Рябинина, запрашивающего «Точку».

«Точка» – позывной выносного поста, расположенного на крыше шестнадцатиэтажки. Там круглосуточно несли службу солдаты комендантской роты и череповецкие омоновцы, усиленные расчётом АГС¹⁸. Стратегическая важность поста была неоценима. С крыши дома открывался вид на весь город, в целом, и на промзону, в частности. Поэтому, прежде чем идти к подорванной машине, Сергей запрашивал обстановку места происшествия. Но так и, не дождавшись ответа, Рябинин сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

¹⁸ АГС – автоматический гранатомёт станковый.

– Надо идти, может живой кто есть...

К гаишной машине добавилась «буханка» Чеченского ОМОНа. Рослые парни в чёрных беретах и натовской форме стали выпрыгивать на полотно дороги. Вдали, из-за поворота, от площади «Трёх дураков» показалась курносая морда БТРа.

– Всё, идём! – скомандовал Рябинин.

Вытянувшись друг за другом, полуобернувшись спиной к заводу и, настороженно поглядывая на проглядывающие из-за деревьев панельную пятиэтажку, опера двинулись к «Уралу». Чеченские омовцы, видимо, кого-то ожидая, остались у машин. Гаишники, перекрывшие дорогу, занялись своим прямым делом – разворачивали, редкие гражданские автомобили. Очень часто, после подрыва, подъехавшие группы подверглись обстрелу, но в этом районе подобные форс-мажоры были редкостью. Слишком много огневых точек на зданиях, да и в округе дислоцируется несколько боевых подразделений. При такой постанове ввязываться в дополнительные боестолкновения чревато. Именно поэтому за короткий промежуток времени к месту подрыва подъехали следственно-оперативные группы Центра Содействия и Фрунзенского РОВД, машины ФСБ и прокуратуры. Под прикрытием БТРов, солдаты ВВ шерстили корпуса «Красного Молота» и прилегающие дома.

За десять минут до этих масштабных мероприятий вологодские опера производили первоначальный осмотр погибшей машины. Скорее всего, фугас был заложен за заводской стеной. Когда «Урал» поравнялся с местом закладки, адскую машину привели в действие. Взрывная волна, обильно сдобренная кусками кирпичей, отбросила грузовик, развернув его поперёк дороги. Замятая, словно картонная, лишённая всех стёкол, кабина была свёрнута на бок. Кое-где, местами, зияли рваные дыры от наиболее злых каменных осколков. Расхристанный тент кузова шевелился на лёгком ветерке лохмотьями брезента.

Катаев прошёл немного дальше по дороге, спину ему прикрывал Долгов. Навстречу, лёгкой трусдой бежали камуфляжные фигуры, за ними зеленел, вставший боком на дороге, БТР. Костя поднял руку:

– Свои!

Это не было излишним, в таких ситуациях, бывало, не разобравшись, бойцы разных ведомств открывали огонь друг по другу. Рябинин, заглянув в кабину, медленно отвернул посережее лицо. На полу под панелью приборов, под заломленным вниз рулём, лежало то, что ещё несколько минут назад было человеком.

Закинутый бронезилет скрывал голову лежащего, всё остальное, никак не напоминавшее человеческую фигуру, бугрилось камуфляжной тканью, околками стекла и кирпича, выдранных кусков поролонa. Бурые, от оседавшей пыли, брызги крови вперемешку с мозгами, вдоль и поперёк, разметили всё пространство кабины.

– Один только... – сказал операм Рябинин и, добавил ненужное – «двухсотый...»

Труп водителя первым обнаружил Саша Долгов, когда, обозначившись подходившим ввэшникам, они с Катаевым возвращались к «Уралу». В пяти-семи метрах от обочины, в зарослях высокой дикорастущей травы что-то белело.

– Костян! – Саша вытянул руку по направлению к светлому пятну, не убирая пальца со спускового крючка автомата. Катаев, чуть сойдя с дороги, стволом раздвинул стебли. Тот самый рыжий солдатик, руливший «Уралом», обдавшем опера сизым выхлопом, лежал на краю осыпавшей ямы. В последний момент, словно нечеловеческим усилием, он пытался, вывернув шею, посмотреть назад. Штаны с трусами, сорванным ворохом застряли у него на щиколотках. Ободранные ноги, в полосах сукровицы, постепенно темнели налётом дорожной пыли. Внимательно глядя перед собой, во избежание встреч с миной или растяжкой, Долгов и Катаев подошли к изломанному телу. Рванувший фугас выбросил водителя в боковое стекло. Несмотря на крупные габариты, парень, вышибив собой проём, сломал шею – кровавая пена на губах застыла жуткой помадой. Разорванная форма, обнажая торс, отдельными местами взлохматилась.

– Группу сюда надо, – севшим голосом сказал Костя, – пойдём, Саня...

На дорожном полотне, опера наткнулись на Рябинина:

– Там уже следаки работают, – сообщил тот, – фэйсы с прокурорскими понаехали... Спа- сать уже, по ходу, некого...

И, зло бросив окурок, зашагал к УАЗу. Костя, отойдя в сторону, смотрел на удаляющегося Сергея. На Саню, подошедшего к двум, комитетского вида, мужикам. На, оцепивших место подрыва, солдат ВВ. Где-то вдали ему показалась фигура полковника Жоганюка, размахивающего, по обыкновению, руками.

«Я ведь хотел его выволочь из кабины и малость поучить» – не мог избавиться от тягучей навязчивой патоки в голове, Костя, – «пока остановил бы, вытащил... “Лещей”, может надавал... Летёха вылез рамсить. Минут десять ушло бы... Был бы кто-то другой...»

За всё время, проведённое на войне, Костя так и не успел привыкнуть к внезапной смерти. Именно к смерти, а не обнаруживанию «жмуров», как своих, так и чужих. Внешне это никак не проявлялось, панцирь цинизма надёжно скрывал эмоции. Однако, внутренняя, не до конца повзрослевшая сущность не могла смириться с тем, что человек, ещё минуту назад живший, дышавший, чувствовавший, вдруг превращается в манекен. Ощущение вины, которое от себя приходилось скрывать жалкой мыслью: «Ты всё равно ничего не мог изменить...» делало противным самого себе. Катнув желваками, Костя закинул автомат за спину и, загребая пыль, побрёл к своим.

Глава IV

На следующий день, уже официально, на двух машинах, оперативники выехали работать.

В начале улицы Первомайская, которая лет десять назад была двухполосной, с разделительной аллеей, транспортной артерией города, располагался стихийный рынок. Несколько лоточных рядов, пара обязательных мангалов, галдящие продавщицы, с десятков покупателей, большей частью военных. Стандартная картина рыночной экономики чеченской республики.

– Дедка видишь, усохшего, – показал на самый дальний лоток Катаеву Рябинин.

Они сидели в машине, рассматривая «толкучку». Остальные опера вышли к лоткам, глаза по сторонам и вяло общаясь с торговками. Сквозь запыленное лобовое стекло, Костя разглядел метрах в тридцати от их УАЗа, старую школьную парту, заставленную пивом и бутылками с более крепким алкоголем. За ней, ссутулившись, на перевернутом ящике, сидел действительно «усохший» аксакал, равнодушно смотревший на дорогу.

– Вижу... Это что и есть «барабан»? – недоверчиво покосился Костя на Рябинина.

– Да нет... Так... «человек – маяк»:

Сергей взял секундную паузу; закурил сигарету:

– Костян, ты сейчас подойдёшь к нему, спросишь есть ли пиво «Будвайзер»... Лучше пару раз переспроси... Если он врубится, а он должен, то скажет тебе, что скоро... Ну, там, назовёт день какой-нибудь, подвезут... Значит в этот день, тот, кто нам нужен выйдет на связь... Понял?

– Как всё сложно... Юстас – Алексу...

– Это не наше условие... – сплюнул табачную крошку Сергей, – да, вот ещё... – он, достав из-под бронезилята, протянул Косте «краповый» берет.

– Это ещё зачем? – не торопился брать тот, – вдруг меня настоящие «краповики» срисуют... Ещё сдавать заставят...

– Отмажем... – хохотнул Сергей, – а, дед, кому надо, тебя распишет... Молодой, крепкий, «краповый»... Быстрее нарисуются...

– Маскарад, бл... – Костя, скосил берет, по-визиревски, налево, – дай тогда твою СВУ¹⁹, для завершения образа.

Когда Катаев, подошёл к прилавку, старик молча, ничего не предлагая, поднял на него глаза. Сзади Костину спину контролировал Долгов – обязательное условие безопасного чеченского шопинга.

– «Будвайзера» нет? – глядя в пустые старческие глаза, спросил опер. Вместо ответа, продавец встал со своего ящика и, слегка перегнувшись, осмотрел батарею бутылок. Потом отрицательно помотал головой. Думая, что его не понимают, Костя сделал ещё один заход:

– Брали у тебя уже... Неужели нету больше, а? «Будвайзер»...

Старик, малость ожил и окинул взглядом покупателя, на долю секунды, задержавшись на головном уборе.

– Дэнь-два... Назрань, там... Привезут... – вернулся в исходное положение на ящик старик.

– Тогда «Оболонь» продай, – подал ему деньги Костя.

– Бэри с прилавка, – не глядя на номинал, засунул дедок, купюры за отворот куртки.

В разрезе лацканов, когда стариковская рука выскальзывала обратно, Костя успел разглядеть тычок антенны радиостанции.

¹⁹ СВУ – снайперская винтовка укороченная.

Уходя от торговой точки, опер понял истинное значение безразличного отношения к выручке и пристального интереса к проезжающему транспорту. Действительно и нашим, и вашим.

– Сработало? – спросил Сергей, когда Костя сел на пассажирское сиденье.

– День-два – передразнил деда тот.

Сзади захлопали дверцы УАЗа. Парни занимали свои места.

– Ну, теперь в течение двух дней, трёх до пяти вечера около «трёх дураков» ждать, – Рябинин увидел, что во второй машине все расселись и запустил двигатель.

Весь этот день оперативники мотались по городу по заданиям руководства – отвезли отчёт в УВД ЧР, забрали в Мобильном отряде какие-то документы, закинули сухпайки, дежурившим на дальнем блоке, гаишникам. Когда время подошло к пяти вечера решили возвращаться на базу. До восьми часов вечера, до вечерней планёрки – проверки все расплзлись по своим делам.

Ваня Гапасько, сдав, привезённые документы, отправился в ОМОН выключить пару видеокассет. Катаев и Долгов пропали в спортзале. Бескудников, Поливанов и Рябинин ушли на переговорный пункт. Серёга Капустин и Саня Кочур, оставшись в кубрике, продолжили, начатую ещё вчера, партию. Таричев, купив пару пива на «первомайском» рынке, свалив на задний двор к миномётной батарее, блаженствовал. Сидя на скамейке и вытянув ноги, он маленькими глотками смаковал свежую горечь. Заходящий за горизонт, солнечный диск незаметно утягивал за собой ещё один день командировки. Никого не убили, не ранили, не подорвали. В зоне ответственности Фрунзенского Центра Содействия не произошло никаких ЧП. Посты сменились без проблем. В общем, жить можно.

* * *

В первый день к площади «трёх дураков» никто не приехал. Место так было в народе прозвано из-за скульптурной композиции, символизирующей дружбу трёх народов – русских, ингушей, чеченцев. Когда-то каменные фигуры возвышались над перекрёстком. Сейчас от этого памятника остался лишь фундамент, да элементы нижних конечностей. Новый архитектурный ансамбль – блокпост расположился в этой стратегически важной развязке.

Немного проехав за него, вологжане и остановили свои УАЗики, в ожидании «барабана». Каждый раз, когда мимо них проезжала гражданская легковушка, Рябинин пристально в неё вглядывался. Пока все они равнодушно проскакивали мимо.

Гапасько со своим экипажем сходил на блокпост. Там квартировал омский ОМОН. Парней омичи радушно приняли, напоили чаем, предложили разливного коньяка. Поставив их в известность о том, что придётся помозолить пару дней глаза, опера откланялись.

Так, ни о чём, и прошел день. Рябинин смотрел во все стороны, ожидая появления агента, парни периодически выходили на воздух покурить, особо неусидчивые исследовали местность в округе, благо блокпост готовый прикрыть, был рядом.

К вечеру вернулись на базу.

На следующий день опера вновь приехали на место встречи. В этот раз ждать пришлось недолго. Проезжающая мимо белая «шестёрка» сбросила скорость около стоящих на обочине УАЗов. С пассажирской стороны легковушки опустилось боковое тонированное стекло. В проёме показался профиль типичного представителя северо-кавказских народов, с, обязательно изломанным ухом, борца.

– Оставайтесь на месте, – бросил в радиостанцию Рябинин экипажу второй машины и добавил для своих, – едем за ними, Саня...

Сидящий за рулём Долгов, завёл двигатель и плавно вырулил за удаляющейся «шестёркой». Прокатившись метров сто, она свернула направо и съехала с дороги. Перевалившись через тротуар, заехала за заброшенный кирпичный гараж.

– Саня, движок не глуши... Бес, Ваня около машины пасите... Костя за мной, – распорядился Рябинин и, щелкнув затвором, поставил СВУ на предохранитель.

Вдвоём с Катаевым они пошли к гаражу. Из-за его угла, несколько напряжённо, но с улыбкой, вышел небольшого роста крепыш и, протянув руку для рукопожатия сказал:

– О-о, Сергей! Снова к нам приехал? Засасывает, да?

Рябинин, тоже улыбаясь, ответил:

– Так ведь дома скучно... Жена, дети, работа, пьянство... Кстати, Костя, – представил он Катаева.

Мазнув его взглядом, крепыш подал сухую крепкую ладонь:

– Иса.

– Тимур! – повернувшись к гаражу, крикнул он кому-то.

Оттуда сразу же вышагнул высокий худой парень лет двадцати-двадцати трёх, в, явно не по-размеру, куртке.

«Ствол под одеждой», – автоматически отметил про себя Костя.

– Атойдём, Сергей... Маладёжь спины прикроет, – предложил Иса.

– Давай, – согласился опер.

Неторопливо, словно на прогулке, Сергей и Иса ушли под тень деревьев, оставшихся от некогда красивой аллеи.

Тимур, внаглую, с интересом разглядывал Катаева.

– С «Визиря»? – не выдержав, первый нарушил он тишину.

– Не совсем... Из другой организации, – Костя усмехнулся. Тимур, наверное, очень хотелось вживую рассмотреть бойцов «Визиря».

– Давно здесь?

– Не очень...

– Надолго приехали?

– На полгода...

«Или навсегда», подумалось не к месту Катаеву.

Полминуты помолчали.

– Права нужны? – неожиданно предложил Тимур, – «В» категория?

– В смысле? «Левак»? – не понял Костя.

– Да нэт, нармальные... По всем базам проведённые, можешь правэрить.

– А кем выданы будут?

– ГАИ УВД МРЭО по Грозному! – гордо сказал Тимур.

Костя задумался. Вторые права не помешают. На всякий случай:

– И сколько?

– Сто пятьдесят долларов...

– А сроки?

– Днэй дэсят... Палавину сразу, палавину патом...

«Да и «пассажира» этого подтянуть можно. Свои-то данные можно не давать. Да и повод для второй встречи есть...»

– Ты с Исой постоянно? Или сам по себе? – задвинул пробный шар Костя.

– Иса брэат мой, корочэ, машина мая...

– У меня сейчас ни денег нет, ни фотки... Когда словимся-то?

Теперь задумался Тимур. Поправив что-то тяжёлое под курткой, он присел на корточки.

– Чэрез два дня сможешь за «Грозэнерго» подъехать, – после короткого мыслительного процесса, вскинул глаза Тимур, – часам к двенадцати?

– Ты на своей будешь? – спросил Костя.

В принципе, место не плохое, безопасное, да и Центр рядом. Тимур кивнул.

– Ты в России-то где живёшь? – как о другом материке, задал вопрос чеченец.

– В Вологде...

– У-у-у, холодно... Там бэлые мэдведи?

– Да нет, до них далеко ещё... Холодней, конечно, чем здесь... У нас ещё снег...

– Может ещё чего надо? – с потаённой интонацией спросил Тимур.

– Ещё «чего», это что? – понимая о чём сейчас пойдёт речь ответил вопросом на вопрос Костя.

– Ну... «Травка»...

– Не боишься, я ведь федерал?

– Так Иса гарантировал... Да у меня, вон, и омские берут, – кивок в сторону блока, – и фэйсы, – неопределённый взмах руки в небо, – и ничего страшного... Она «вэсёлая», все довольны.

– Ну если весёлая... Давай на второй «стреле», – увидев возвращающихся, «старшаков», закончил Тимур, поднявшись с корточек.

– Давай...

«Старшаки» находились в стадии прощания.

– В следующий раз, таким же образом забивается? – пожимая руки, спросил у Исы Серёга.

– Ну да, велосипед изобретать не будем... Да и падумать время будэть, – осклабился Иса, на что-то намекая.

Чеченцы ушли за гараж. Там заработал двигатель и его звук удалился. Видимо, за разбитым строением существовала проезжая дорога. Думая каждый о своём, Костя и Сергей пошли к ожидающим операм.

– У нас всё спокойно? – доложил Долгов, – как у вас?

Все, включая Катаева, вопрошающе уставились на Рябинина.

– По дороге расскажу, хватит отсвечивать, – запрыгнув за руль, буркнул Сергей и поторопил:

– Цигель, цигель...

По дороге он рассказал, что Иса, с его слов, последнее время с федералами не контактирует. Что-то мутит со скважинами в пригороде. Типа, бизнес, всё хорошо. Но в то же время взял тайм-аут на размышление.

– Скорее всего, будет думать, что с нас выжать можно, – держа руль одной рукой, а другой пытаясь прикурить, говорил Сергей, – кого из «неугодных» сдать... «Кровников» или конкурентов...

– А на хрен нам его «кровники»? – спросил Костя, – мы что киллеры бесплатные.

– Он если сдаёт, то с оружием, «замазанных», охеревших... У тебя-то с молодым что? – уже Рябинин вопросительно посмотрел на Костю.

– Забились через два дня пообщаться...

– О чём?

– Обо всём... Наркота, ксивы левые...

– Что по нему думаешь?

– Хрен знает... Банкующий он. Будем разговаривать... За идею он точно «барабанить» не будет.

– К местным заезжать будем? – напомнил Бес о вчерашних планах. Вчера вечером на планёрке Жоганюк сообщил, что на начальника Фрунзенского РОВД было совершено покушение. Начальник тяжело ранен, водитель убит. Стреляли с двух автоматов где-то в Черноречье. Поэтому надо съездить в отдел, проявить, так сказать, заинтересованность. Попросить ориен-

тировки и, вообще, обозначиться. Одно ведь дело делаем. Сам полковник сослался на встречу проверяющих из Ханкалы и, оставив при себе Кутузова, засел с утра в кабинете, обложившись бумагами.

– Давай заедем, – Рябинин проскочил поворот на ПВД, – Сань, ты тогда Ваньке крикни по рации, что на «Минск» едем...

Фрунзенский РОВД располагался на тихой улочке, примыкавшей к седьмой горбольнице. Чеченские милиционеры сознательно сделали её тупиковой. Практически сразу после здания РОВД, перегородив проезд, вросли в землю фундаментные блоки. Сквозной проезд по улице исключался, как и возможность, проскочив мимо отдела пострелять из автомобиля. Да и сам непосредственный подъезд блокировался шлагбаумом, в который сейчас и упёрся УАЗик Рябинина.

Увешанный оружием, гранатами, ножами постовой с независимым видом направился к машине. Не ожидая вопросов, Сергей показал удостоверение и вкладыш, спросив начальника КМ.

– Машину здэс оставляйтэ... – указав в сторону парковки, постовой отошёл в тень кирпичной стены.

– Толпой, наверное, роиться не будем, – Катаев решил не выходить, свесив ноги в открытую дверцу, – кто пойдёт-то?

– Бес, сходи ты... Прорисуйся, – Рябинин забрал из рук Бескудникова незажжённую сигарету, – а мы покурим пока...

Саша нырнул в открытую дверцу и, порывшись в бардачке, выудил оттуда, слегка потрёпанный ежедневник:

– Для солидности... – пояснил он.

Сходить с ним вызвались Гапасько, Таричев и Капустин, подзаскучавшие от двухдневной тусовки, в ожидании «барабана»: Рябинин, присев на корточки, закурил. Остальные, проводив глазами «ходовков», наслаждались нежарким весенним солнцем. Разговаривать не хотелось, тяжесть бронжилетов хоть и создавала дискомфорт, но непривычная для Грозного тишина его компенсировала.

Вернувшиеся через полчаса опера, сославшись, что не с руки обсуждать, полученную от местных коллег информацию, под их же окнами, залезли в машины. В этот раз, никуда не заезжая, машины тронулись на базу. День уже переполз шестичасовую отметку, в восемь начинался комендантский час.

За вечерним чаем, для аппетита дополненного парой бутылок местной 30-градусной водки, Бескудников рассказал о первом опыте общения с местными операми.

– Всё они знают! – сокрушался он, размахивая кружкой, – только не говорят ничего... Бошками качают, да языками цокают...

Длинный стол, в небольшом помещении, отгороженном от спального пространства кубрика, собрал почти весь оперсостав. На огонёк завернул и Миша Кутузов, выкативший из своих запасов пузырь «Смирновской».

– ... И чем мы должны им содействовать, если они глухарятся, – продолжал возмущаться Саша, – на хер такое взаимодействие!

Бес опрокинул в рот маявшуюся в кружке водку.

– Я по новому в отчётах отмечаю совместные выезды на место происшествия, обмен информацией, – возразил ему Кутузов, – руководству достаточно...

– Анатолич, но это же лажа! – вмешался Рябинин, выпивший триста и, «обидевшийся за державу», – кому на хрен эти отчеты нужны... «духов» хлопать дали бы...

– Тебя, Сергей, особо не трогают, не напрягают, – резонно оппонировал Миша, – что ещё надо-то? Полгода и домой...

– А-а-а! – Рябинин отмахнулся и принялся разливать водку по разномастным посудинам.

Костя выпил последнюю и встал из-за стола. Начинался пьяный диспут, а завтра дежурить, поэтому вступать в полемику и, соответственно, в продолжение пьянки не хотелось. Да и сонная доза звала на боковую.

В кубрике, привычно расположившись перед телевизором, сидели Гапасько и Липатов, опера по розыску, скорешившиеся в первые полчаса командировки, едиными взглядами на жизнь. На ночь, по словам Гапасько для профилактики застоя, мужики просматривали немецкую порнуху. Самое интересное, что они очень внимательно следили за её сюжетом. Минут пять постояв перед экраном, так сказать попрофилактировавшись, Костя ушёл к своей кровати. В силу возраста, ему было двадцать четыре года, пяти минут «профилактики» было достаточно. Засыпал Катаев под ритуальную ночную стрельбу. «Точка» или «Скала», а может какой-другой пост, на всякий случай, постреливали в ночь для остротки, а может чтобы самим не уснуть. Настоящих нападений на посты, как при штурме, год назад, давно не было. Так, дадут пару очередей по блоку и уходят. Ну а посты, потом по часу успокоиться не могут. Лупят от души, корректируют друг друга, направляющими трассерами...

Глава V

Первый выезд в дежурные сутки пришёлся на труп неустановленного мужчины славянской внешности. Обнаружили его вёзшники и бойцы Западно-Сибирского СОБРа, зачищавшие заброшенные, не функционировавшие павильоны Центрального рынка.

Когда на место прибыла опергруппа ЦС, то там было уже достаточное количество народу в форменной одежде. Следователь прокуратуры Магомед, прикомандированный из Каспийска вологодским операм был знаком. Он-то с прибывшей опергруппой и занялся своим делом. Задействованные в спецоперации силы позволяли в полном объёме выполнить все необходимые следственно-криминалистические действия. Чуть позже подтянулись и местные менты, правда, не высказывая большого желания поработать.

Бывший мясной павильон находился за территорией Центрального рынка. Но и это обстоятельство почему-то не сделало его действующим. Бойцы череповецкого ОМОНа, всегда сопровождавшие опергруппу в качестве огневой поддержки, остались при входе в павильон, который и без их участия оцепили солдаты батальона ВВ. Поползав вокруг и, пообщавшись с сержантом, обнаружившем труп, Костя вошёл в здание. Сначала он немного потерялся в гулком пространстве пустого помещения. Когда-то здесь шла бойкая торговля, сейчас же каменные прилавки мясных рядов были украшены отметинами прошедших боёв, сквозь плиты проросла трава, крыша частично отсутствовала, пропуская через огромные прорехи солнечный свет. Голоса доносились откуда-то сверху.

Катаев, задрав голову, рассмотрел, щурясь от солнца, второй ярус, антресолю, проходящий под крышей.

– Кость, вон лестница, – Юра Окунев, тот самый водитель, вёзший их из Ханкалы и не усидевший в машине, показал на пристроенную к стене покорёженную винтовую лестницу.

Кроме них, в группе сегодня дежурили Саша Таричев и участковый Рома Крылов. Перед выездом к коллегам из службы МОБ, нехстати для себя, зашёл начальник местного отдела участковых Фрунзенского РОВД и был, в рамках взаимодействия, прихвачен в состав следственно-оперативной группы. Роме хватило одной минуты, чтобы улыбочивый Сулейман оказался на заднем сиденье УАЗа.

– Это пожарная лестница, – пояснил он, поднимаясь вместе со всеми на второй этаж, – раньше при входе основная была... С деревянными перекрытиями... Сгорела...

Труп мужчины лет тридцати лежал практически около лестницы. Тление уже тронуло его и тошнотворный запах разложения ударил по обонянию. На корточках около трупа сидел судмедэксперт, он же патологоанатом из морга седьмой горбольницы. Задрав на теле майку-тельняшку и, спустив до колен джинсы с трусами, он монотонно диктовал следователю, пристроившемуся на «дипломате»:

– Огнестрельное ранение номер одиннадцать, расположенное...

Катаев и Таричев прошли по второму ярусу. Окунев и Рома остались на лестнице, а Сулейман решил поприсутствовать при осмотре трупа.

Узкий проход от лестничного марша расширился. Стены павильонов на втором этаже были разделены на глухую и оконную часть. Стёкол в верхней половине, естественно, не было и по зданию гулял сквозняк. У перил стояло двое чеченских ментов, о чём-то вполголоса разговаривающих на своем. Ещё дальше в проходе маячило трое собровцев в масках, стенку напротив них фотографировал эксперт. Таричев прошёл к бойцам, а Катаев тормознул около чеченцев.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, дарагой, – почти хором ответили ему.

Короткое представление друг другу. Шамиль и Руслан.

– Не ваш? – Костя мотнул головой назад.

– Не-а, даже нэзнакомый, – Шамиль поправил, висящее на плече «весло» – АК-47, любимое всеми чеченцами оружие, – его у стены расстрэляли, а потом к лэстнице утащили, вон слэды...

Вдоль стены на вековом слое пыли, явственно виднелись следы волочения.

– Тут бывает кто-нибудь? – задал Костя очередной вопрос.

– Да нэт, как рынок перенесли, сюда никто нэ ходит, завалы большие. Можэт когда разгрэбут... А вы с Мабилника или Фрунзенские?

– Фрунзенские... Когда ехали сюда, по рации слышали, что начальство ваше здесь...

– Были... На рынок ушли... Мэропрыятие там...

– Толку-то от этих мероприятий, – Костя махнул рукой.

– Только «глухарэй» подбрасывают, – усмехнулся Руслан.

Отойдя от них, Костя присел возле стены, которую осматривал эксперт. Через минуту, пообщавшись с собровцами, подтянулся Таричев.

Картина получалась следующая. Человека расстрэляли возле стены, с нескольких стволов (эксперт собирав гильзы), затем, тело за ноги оттащили к лестнице. Там почему-то и бросили. Остальное стандартно. Ни мотива, ни причины. Впрочем, опергруппы, как местные, так и содействующие занимались лишь фиксацией преступления. Допустим, тем же Катаеву и Таричеву, чтобы провести подворный обход, для обеспечения собственной безопасности, пришлось бы привлекать пару «коробочек» с «комендантами», не говоря о каких-либо оперативно-следственных мероприятиях. Но всё равно это убийство выбивалось из ряда прочих.

Убитый не был похож на ингуша или чеченца, одет в «гражданку», да и способ убийства говорил о расстреле. Со своим расправились? Пленного расстрэляли? Но почему здесь? Почти в центре города... Вообще-то для таких мероприятий существует «зелёнка» и руины по окраинам. А если он федерал, то убили бы на улице сразу, зачем сюда-то тащить?

Мысли ульем забивали голову Катаеву, пока он шёл до машины. Ничего не поделаешь, рефлекс.

Старший экипажа огневой поддержки Володя по прозвищу Малдер, встретил опергруппу словами:

– Чего так долго-то? Обед уже. На базу надо...

У ОМОНа всегда так: война войной, а обед по распорядку.

* * *

В кубрике было пусто. Весь оперсостав умотал на задержание, находящегося в розыске наркомана. Способ повышения показателей по розыску, скрывшихся преступников придумал Ваня Гапасько. Способ поражал своей гениальностью и простотой.

В производстве следственных подразделений Чеченской республики находилось большое количество, так называемых бытовых уголовных дел, мелких краж, хранений наркоты и нанесения телесных повреждений. Следаки местных РОВД избирали по этим делам в отношении фигурантов, как правило, подписку о невыезде, на которую те плевали с высокой колокольни и на вызова не являлись.

Следствие скидывало постановления на розыск сразу в два органа – в РОВД и Центры Содействия. В первых к этим поручениям подходили очень избирательно. Причиной этого выступали либо родственные узы, либо взятки. Предшественники вологжан из Центра Содействия, вообще розыском не занимались, справедливо рассудив, это птицы невелики и лишний раз раскатывать по стреляющим улицам не стоит.

Поэтому Ваня Гапасько, получив в нагрузку линию розыска, слегка удивился 100 % провалу в этом направлении. Не мудрствуя лукаво и никого особо не курсуя, он, взяв на борт Липа-

това, Кочура, Капустина и Поливанова, запрыгнул в УАЗ и прокатился к месту проживания одного из разыскиваемых. Поинтересоваться, где он может быть. Благо адрес был метрах в ста от ПВД. Велико же было удивление, когда, подъехав к частному дому, он увидел что-то мастерищащего во дворе дома «бег леца». Не тратя времени на разговоры, опера закрутили ему ласты и увезли во Фрунзенский РОВД. Правда, отъезжающую машину атаковали какие-то пожилые чеченки, выскочившие на дорогу. Ваня, вспомнив многочисленные розыскные дела, добрая половина которых пестрела объяснениями типа: «... приехали военные и куда-то увезли...», остановил машину и громко объявил, за что их родственник задержан и куда его везут. Таким образом, была обеспечена законность мероприятия. Сдав задержанного в РОВД, Гапасько срубил первую палку и улучшил показатели. И это несмотря на то, что доставленный на следующий день уже снова что-то мастеришил во дворе.

После этого случая стало ясно, что никто из «бытовиков» никуда не скрывается – их просто никто не ищет. Теперь мероприятие тщательно планировалось – адрес разведывался и при наличии жизнедеятельности накрывался ОМОНОм и операми. В случаях тревожней, делалось это рано утром, до инженерки, часов в пять-шесть. Сегодняшний рейд к такой категории не относился. Катаев и Таричев бросили автоматы на койки в пустом кубрике и пошли в столовую.

– Патрон в патроннике? – усмехнувшись, спросил Костя.

– Нет... Даже на предохранителе, – с невесёлой улыбкой ответил Саша. Они оба помнили тот дурацкий случай.

Рябинин, абсолютно трезвый, приехав из Ханкалы, зашёл в кубрик. Саша Таричев, проснувшись, сидел на верхней койке, свесив ноги. Объясняя что-то Бескудникову, Сергей поставил автомат на находящуюся под Таричевым кровать, стволом вверх и, заговорившись, не отстегнул магазин. Или подумал, что отстегнул. Затем, в соответствии с инструкцией, дернул затвор и осуществил контрольный спуск. За полсекунды до этого, Таричев, зевнув, прыгнул со второго яруса, а контрольный спуск бабахнул короткой очередью. Саша ещё не приземлился, а в тёплом от его задницы матрасе появилось две дырки.

Костя чётко помнил как оба и Таричев и Рябинин, хлопая глазами, взбледнув, сглотнули слюну.

Народа в столовой, ввиду их опоздания на обед, было немного, в основном дежурная смена – помощник дежурного и омововцы во главе с Малдером. Опера ещё не расправились с борщом, как к ним осторожно подошёл помдеж Витя, с чем-то вкусным в усах.

– Этта, парни... Там ещё полчаса назад сообщили... Самоподрыв около РОВД, – сказал он, глядя на остановившиеся ложки, – без пострадавших, кроме самого... Пообедаете, проедьте...

Ложки заработали:

– Без вопросов.

– Ну и чудненько.

Прапорщик ретировался.

– Окунь! Иди к нам! – махнул Таричев зашедшему в столовку водителю.

Юра присел к операм, с философским спокойствием выслушав сообщение о выезде, вздохнул:

– Ну, дак что... – приступил к супу.

* * *

Около Фрунзенского РОВД царил оживление. Небольшая толпа, состоящая преимущественно из женщин, волновалась перед цепочкой постовых, перегоревших улицу. Машины вологжан тоже не пустили.

– Сами поймёте почему, – ответил старший, – пешком пройдёте, там недалеко.

Пройдя кордон, Костя уже начал понимать причину перекрытия улицы, а подойдя поближе, окончательно удостоверился в правильности своих предположений. Несколько человек, скорее всего сотрудников отдела, что-то собирали в резиновых перчатках по улице. Всё тот же следователь Магомед, стоя около входа в РОВД, беседовал с начальником криминальной милиции отдела. Его Костя пару раз видел у Жоганюка.

– Глянь! – идущий рядом Таричев, толкнул Катаева в бок.

Одинок стоящий тополь был словно выкушен многорядной зубастой пастью. Стена дома, расположенного метрах в пятнадцати от него пестрела свежими осколочными зарубками. Такие же отметки присутствовали и на всей фронтальной стороне здания РОВД. На соседних, от пострадавшего тополя, кустах и деревьях, висели какие-то серо-сизые тряпки. Что-то похожее и собирали по улице люди в перчатках. Приблизившись ещё на несколько метров, Костя понял, что это элементы человеческого тела.

– А-а, советники... – растянул лицо в хищной улыбке начальник КМ, – следователь асметр закончил, террорист задержан...

Он легонько пнул своей нубуковой туфлём, стоящую рядом, всю в бурых разводах и кровавых пятнах, набитую чем-то грязную наволочку, больше напоминавшую картофельный мешок.

– Турпал Алиевич, сабрали вроде всё, кароче... Там на дэрэве осталось кишков немного... Высоко, нэ достать... – подошедший сотрудник, опустил в мешок что-то склизкое.

– А нога вторая гыдэ? – Турпал Алиевич строго посмотрел на подчинённого.

– Можэт за гаражи улэтэла, – пожал тот плечами и пошёл к заканчивающим сборы коллегам.

– Этого достаточно будет, – Магомед, подуставший за сегодняшний суматошный день, больше задерживаться не планировал.

– Можэт савэтники апознают, – видимо, пытаюсь проверить на «слабо», кивнул на мешок Турпал Алиевич.

Костя, успел повоевать да и в Вологде работал в уголовном розыске по линии «потеряшек» и неустановленных трупов, поэтому на бравату чеченца только мысленно усмехнулся. Присев на корточки, он спокойно заглянул в окровавленный мешок. Конечно, глупо было бы что-нибудь опознать. Вперемешку с кишками и внутренними органами лежала, вываленная в грязи голова с куском ключицы и, чудом не оторвавшейся рукой. Из хаоса ливера тесно в материю мешка вжималась голень, с налипшими травинками. Ещё глубже, утрамбованней, синела джинсовая ткань, прикрывая, судя по всему, ягодичные части. Смердный запах нечистот веерно пахнул в лицо. Заглянувший было, Катаеву через плечо, Таричев, отшатнулся и ушёл в сторону. У себя в Череповце, он в основном ловил карманников, а «жмуров» видел большей частью на ориентировках.

– Лицо знакомое, а фамилию не могу вспомнить, – шутейно покачал головой Костя и спокойно посмотрел в глаза начальника КМ.

Немного разочарованный Турпал Алиевич, тем не менее улыбнулся:

– «Убойщик», да?

– Типа того... – уклонился опер и повернулся к Магомеду, – мы нужны?

– Донести помогите до нашей «буханки», – ткнул пальцем в мешок следователь.

Саша Таричев торопливо зашагал в сторону цепи постовых, перекрывавших улицу. Костя, покачав головой, взялся за один конец наволочки, второй рукой, поправляя, сползающий за спину, автомат.

– Асламбек! – понявший ситуацию, по-чеченски, крикнул Турпал Алиевич кому-то из оперативников.

Один из них, среднего роста, плотный парень в спортивной куртке неторопливо направился к Катаеву. Пока они тащили мешок с останками к прокурорской машине, Аслам-бек рассказал, что, по словам очевидцев, молодой парень (тот, что в мешке), не доходя до шлагбаума, пытался повесить на тополь тяжёлую холщовую сумку. Внимания на него никто особо не обращал. Одет он был а-ля Гаврош, да и до отдела было далеко. Скорей всего, замысел был направлен на возможный проезд мимо заминированного дерева какой-нибудь федеральной техники или легковушек РОВД. Техническая неполадка или неосторожное обращение привели к взрыву. Закладывающий фугас, боевик был разорван на куски, но, слава Аллаху, больше никто не пострадал. Если не считать, посеянных осколками зданий.

По приезду на ПВД, Магомед почему-то заартачился и решение о судьбе останков возложил на опергруппу. Таричев и Катаев, попытались что-то вякнуть о процессуальных обязанностях следователя, но вместо ответа увидели лишь сутулую прокурорскую спину. Опера попытались сделать такой же ход, но водитель Магомеда, слышавший весь разговор, подрулил к входу в оперской кубрик и, свалив мешок, уехал.

Омоновцы, руководимые Малдером и напоминающие, палачей, прихвативших халтуру на дом, подвлочив тяжёлую ношу к стене, тоже откланялись.

– Не хреново вы съездили, – вышедший покурить Рябинин, носком ботинка, приподнял край наволочки.

– Дай сигарету, – попросил Таричев.

– Ты ж не куришь, – удивился Сергей, протянув «элэмину».

– Закуришь тут...

Таричев отдал Косте автомат и, вместе с Рябининым ушёл в курилку. Катаев, постояв ещё минуту над мешком, под которым натекала сизо-красная жижа, сплюнул и ушёл в кубрик. Сбросив оружие, броник, форменную куртку и, заглотив полбутылки минералки, он вышел обратно на воздух. Надо было попытаться принять решение по останкам подрывника. К этому времени, около входа уже клубилась небольшая тусовка. Несколько омоновцев, пара «комендачей», излишне громко разговаривая, рассматривали, распахнув края, содержимое наволочки. У одного из «комендачей» пару раз щёлкнул в руках фотоаппарат.

После возвращения Катаева из умывальни и оперов из курилки, площадка перед входом напоминала проходной двор. Кто-то подходил, кто-то уходил. Один пьяный «комендач», присев на корточки смачно плюнул в оторванную голову.

Другой попытался расстегнуть ширинку, но тут уже не выдержал Рябинин:

– Бл..., хорош парни! На хер глумитесь-то!?

Что-то обиженно бормотнув, «псы войны» отошли. Пошедший через десять минут дождь загнал всех под крышу. Раскрытый мешок остался тяжелеть под упругими струями весеннего ливня.

Чувство дурацкой ответственности не покидало Катаева. Как в детской повести «Честное слово». И дело вроде не твоё, и «жмур» при удачном для него раскладе, мог бы рвануть закладку около, но смотреть на деланно веселящуюся толпу вокруг человеческого мяса и костей, было противно.

– Серый, – Костя отозвал из-за стола Рябинина, запаривающего пластмассовый бич-пакет, – на минуту...

Они вышли на «продол» и, не дойдя до шелестящего дождём, выхода остановились.

– Давай «жмура» закопаем, – глядя в сторону, предложил Костя, – а то завоняет на жаре...

– «Завоняет», – хмыкнул Сергей, – противно стало на контрачей смотреть?

– Не без этого...

– А если родня за ним приедет?

– Откопают...

– А он следакам понадобится?

– А если, а если... Откопают... – слегка раздражаясь ответил Костя, – в конце концов, Магомед нам его скинул...

– Ладно, – Рябинин, выглянув в проём, убедился, что мешок всё ещё у входа, – вечером...

По окончании дождя паломничество к «мощам» прекратилось. Только один из омовцев, на полном серьёзе, попросил у оперов разрешения отрезать ухо трупа. Типа, трофей. Был вежлив, и на отказ, пожав плечами, спокойно удалился.

После вечерней поверки, труп был вывезен за миномётную батарею. Катаев, Долгов и Рябинин чередуясь, выкопали метровую яму и свалили туда человеческое месиво. На дне ямы мешок развалился и голова выкатилась наружу. Дождь смыл всю кровь и грязь с лица погибшего и, забрасывая яму, сквозь мельтешащие порции земли, Костя понял, что боевику не больше семнадцати лет.

Заровняв могилу в уровень земли, опера уселись в машину. Стремительно темнело и желания болтаться у могилы ни у кого не было. Не родственника, в конце концов, закопали. Придумав, что ему надо зайти к миномётчикам, Костя не поехал с друзьями, а, дождавшись, когда стоп-сигналы завернут за здание, повернулся к захоронению. Не отдавая отчёта, зачем это делает, Костя мысленно трижды прочитал «Отче наш».

* * *

Встреча с Тимуром произошла на следующий день. Пунктуальность не является национальной чертой парней Северного Кавказа и, вместо обещанных 12.00, «шестёрка» Тимура завернула в проулок за «Грозэнерго», только когда стрелки часов расползлись на половине первого.

УАЗики оперативников были расположены таким образом, что с дороги их заметить никто не мог, а любой проходящий через проулок человек оказывался под наблюдением. Сам же проулок был тупиковым, небольшой проход между стенками домов позволял пройти лишь человеку. Буйная, неухоженная поросль, поросшая у подножия разбитых трёхэтажек, закрывала со стороны дороги всех там находящихся.

О подъезде Тимура Катаеву сообщил по рации Гапасько, стоящий со своим экипажем на подступах к «Грозэнерго». Сам же Тимур особо о конспирации не заморачивался. Бодро завернул к месту встречи, в машине был один, а когда Костя подошёл, распахнул дверцу, приглашая в салон.

– Давай лучше в теньке потележим, – опер показал рукой на небольшой закуток, образованный старой трансформаторной будкой и, неведь откуда взявшимися, бетонными плитами.

– Я только машину пэреставлю, – кивнул Тимур.

Парни остались около УАЗа контролировать обстановку. На разговор Костя ушёл один – всё по этике работы с источниками.

– Ну, что по правам-то? – с ходу взял быка за рога Тимур.

Его неуловимый акцент придавал голосу нахрапистость.

– У тебя для образца нет, посмотреть, пощупать... – Костя рассчитывал таким образом посмотреть права собеседника.

– Не-а, нэту... Сам я вообще бэз прав ежжу... – было непонятно вкурил он оперской финт или по жизни такой, – ты, что не доверяешь мне?...

– Тебе, Тимур, доверяю, потому что вижу... А тех кто ксивы мастырит не вижу, – Катаев не хотел обострять отношения, но и «левые» права ему были не нужны, – насчёт закурить-то как?

Тимур хитро сощурился:

– А косил под нэкурящего... Тэбе «грузильной» или «вэселильной».

– «Веселильную», наверное... Что по деньгам?
– 300 рублей... «Кораблик»...
– Однако... Сосиски по рубль двадцать, – процитировал Костя бессмертного Кису Воробьяникова.

– Шишки тоже будут... Позже... – Тимур явно не был знаком с творчеством Ильфа и Петрова.

– Это... я о своём... Задумался... – опер протянул деньги, – давай...

Расшелушив пальцами правой руки поданные купюры, Тимур левой, с ловкостью фокусника, сунул в разгрузку оперу спичечный коробок.

В целом сделка состоялась, но продавец уходить не собирался. Да и Катаев на эту встречу не за «кайфом» приехал.

– Спалиться не боишься, – Костя образно обвёл рукой вокруг, – вдруг увидит кто?

– Боюсь, но ничего не подделаешь... Бизнес есть бизнес... Жить-то как-то надо...

– Может тебе бензина надо? У нас излишки бывают, – топливная проблема в республике была одной из самых острых и Костя попробовал заехать с этого конца.

– Па сколько? Можэт за «траву»? – оживился Тимур.

В голове у Кости, наконец, щёлкнула задвижка, открывая чеченское понятие бизнеса:

– Нет, не за траву... – деловито щёлкнул он пальцами, – за «тему»?

– Что за тема? – сразу, словно ожидая, заинтересовался Тимур.

– Всем интересная... Ты мне цинканёшь, кто, на чём, когда повезёт партию «травы»; ну или ещё чего... Мы их хлопаем, половину оформляем, а то, что не впишем тебе за «информашку»...

Типа, бизнес, ничего личного...

Парень на минуту ушёл в себя.

– А бэнзина сколько сможете? Ты про бэнзин говорил? – этот вопрос волновал его гораздо больше.

– Если всё по-честному будет, вообще на постоянку поставим... Ну, литров 20–30 неделю...

Снова минутная пауза.

– Слышь, а тебе только дурь интересна, – очнувшись от своих мыслей, спросил Тимур.

– Нет, конечно... – дождался опер, – и перечислил сферу интересов: «стрелки», подрывники, схроны, снайпера... Наркота, на хер, вообще на последнем месте...

– Э-э, нет... С этими я нэ знаюсь, – с излишней поспешностью ответил тот, – Хотя...

Тимур, сунув руки в карманы кожаной куртки, прищурившись посмотрел Катаеву в глаза:

– Есть пара придурков. У них есть «стволы»... Карочэ... Там... Вродэ Стэчкин...

Костя его не перебивал, понимая, что избранная им манера ронять фразы, наигранная.

– ... Но мне в Хатуни прокатиться надо... Дня чэрез два-три известно будет... Заправишь? – закончил Тимур.

От потери 20 литров, опера ничего не теряли:

– Канистра есть?

– Канэчно!

– Погоди немного, я в бак загляну...

– Катаев отошёл к своим.

– Ну, чего он? – спросил, сидящий за рулём Рябинин. Остальные рассредоточившись по проулку, «пасли поляну».

– Общаемся... Что с бензином у нас?

– Где? В баке? Литров тридцать...

– Надо слить ему «пятнашку».

– Надо так надо. Пусть канистру тащит.

Катаев, выйдя из машины, махнул рукой Тимур. Тот, оглянувшись по сторонам, быстрым шагом прошёл к своей машине и, открыв багажник, вытащил оттуда шланг и канистру. Ещё раз оглянувшись, он захлопнул крышку багажника и просеменил к кустам с запарковавшимся УАЗом. Рябинин, повернув ключ зажигания, чтобы видеть показания бака, кивнул Тимур:

– Давай... Я маякну когда «стоп»...

Со сноровкой, которая приходит только с опытом, парень пристыковал шланг к баку. Пока бензин журчал, перетекая, Тимур, подняв голову, сказал Косте:

– Нэ гоняй, Костян... Я нэ разводной... Эти клоуны меня кинули... Вот и накажем... И вы довольны будете и мне хорошо...

Что-то непривычное в его словах цепануло слух:

– Ты не сказал, что хочешь...

– Скажу, скажу... За физдабола пока прокатывать нэ хочу... А обманывать здесь нельзя.

– Да и с Исой, у нас проблем никогда не было, – поддержал разговор Рябинин и, глянув на шкалу приборов, рубанул ладонью, – всё стоп! А то до базы не доедем...

Тимур закрутил горловину и, распрямившись, протянул операм руку:

– Я буду около перэговорника, у вас который... Послезавтра... Где-то с часа до двух...

– Не палево?... – немного нахмурился Рябинин. Костя же подумал, что лично им будет безопасней встречаться там. Кто знает этого Тимура, забьёт «стрелу» и сдаст с потрохами.

– Вы же клиенты! – Тимур с Костей, понимаясь разублались.

– Давай, бизнесмен... – Рябинин пожал руку Тимур, следом за ним попрощался Костя.

– Вы пэрвые выезжайте, я за вами, – Тимур, уходя, показал на выезд.

«Что ж меня зацепило-то?» – подумал, уткнувшись взглядом в уходящую спину, Костя и постучал по ручке на щитке приборов, – что-то не так...

– Уходим! – коротко скинул в рацию Сергей, усаживаясь за руль. Костя устроился рядом, с трёх сторон в машину запрыгнули Долгов, Поливанов и Бескудников.

– Ты, надеюсь, всё правильно делаешь... – сказал Рябинин Катаеву и тронул машину.

Последующие дни были вяло забиты незначительными событиями. То в одном, то в другом конце Грозного бабахали взрывы, но, слава Богу, без человеческих жертв. На пересечении улицы, разграничивающей Фрунзенский и Фабричный районы, было совершено нападение на двух «комендачей-контрабасов», увязавшихся за молодыми, абсолютно их игнорирующими, чеченками. Будучи в лёгком подпитии, «солдаты фортуны» забрели слишком далеко от своей комендатуры. Возвращаясь обратно, дополнив пьяную эйфорию ещё двумя «полтарашками» пива, буквально метров за стопятьдесят до места их дислокации, из окон цокольного этажа бывшего универсама захлопали пистолетные выстрелы. От геройской смерти спасли бронежилеты, близость комендатуры и сточная канава, куда они, мгновенно протрезвев, схоронились. Одному из них прострелили ляжку, второму оторвало мизинец. На этом нападавшие скрылись.

Жоганюк и Кутузов, забрав с собой Рябинина, смотались в Ханкалу, на совещание в Мобильный отряд. Для прикрытия руководящей «буханки», Николай Иванович выпросил у «Удава» БРДМ²⁰, на который в приказном порядке, силком усадил Кочура, Липатова, Поливанова и Капустина. Готовилась широкомасштабная общевойсковая «зачистка» и поведение руководства отличалось повышенной демонстративностью. Кстати, приказ «на броню», касался и Бескудникова, но тот, буркнув: «на хер...», игнорировал поездку. Типа, опоздал. Прихватило живот.

Катаев с Долговым эти дни не вылезали из спортзала, а по вечерам играли с омоновцами в футбол.

²⁰ БРДМ – боевая разведывательная десантная машина.

Трава, к слову, оказалась так себе. Работавшие линию НОН, Капустин и Бескудников заверили что, бывает и получше. Тем не менее, курили со всеми наравне и пару раз истерично хохотали над незамысловатыми шутками Саши Кочура.

* * *

Переговорный пункт оказался закрытым. Как гласила, приклеенная к двери бумажка, «в связи с техническими неполадками». Переговорник располагался в здании прокуратуры, имея отдельный вход с торца и представляя из себя три, разделённые пластиком, кабинки.

Ввиду близости от входа на ПВД, Катаев и Рябинин не рядились в броню и не взяли с собой автоматов. На всякий случай, сунули в карманы по ПМу.

– Стоять нам тут с тобой, – настраиваясь на долгое ожидание, проворчал Рябинин, – до морковкина заговенья...

– Сидеть... – ответил ему Костя и, подстелив носовой платок, присел на ступеньки. Рябинин, собрался было последовать его примеру, как заметил, идущую к ним от торговых лотков, чеченку лет сорока. Напрягшись и, сжав в кармане рукоятку пистолета, Сергей сделал к ней шаг навстречу. Костя поднялся за его спиной.

Женщина подошла к ним и, сплёвывая шелуху семечек, показала на лоток с развешенными полотенцами:

– Он там ждёт... За полотенцами... Идите...

Костя и Сергей переглянулись и пошли через площадь. Пространство перед зданиями прокуратуры и комендатуры жило своей жизнью и никто не обращал на них внимания.

Справа, на «змеёнке» перед воротами тусили постовые и «комендачи», на крыльце курили двое прокурорских, на крыше, и за рулём ЗУ восседал, лениво развалившись, боец в скособо-ченной каске. У палаток мерно шла небойкая торговлишка, на дальнем конце торгового ряда дымил мангал. Поднырнув под паруса разноцветных полотенец, опера увидели сидящего на корточках Тимура.

– Здравие жэлаю, – приложил он к козырьку бейсболки два пальца.

– Здорово, – Костя с Сергеем поочерёдно пожали протянутую руку. Отдалённо ладошка Тимура напоминала скумбрию. Они отошли немного вглубь, к зарослям ивняка.

– Есть чего? – нетерпеливо спросил, обходя кавказские условности про дела и здоровье, Катаев.

– Да вот, по той же цене, – достал из кармана «пакет», сложенный несколько раз листок бумаги – Тимур.

– Ты во мне, что торчка разглядел? – стараясь говорить спокойно, но, не реагируя на протянутую руку, бросил Костя.

Тимур улыбнулся одними губами:

– Какой ты рэзкий... Дури купи... Там всё написано...

Сергей врубился быстрее:

– Триста?

И, дождавшись утвердительного кивка, протянул три сторублёвки.

– Всё здесь? – на порядок миролюбивее спросил Костя.

– Почти... Чёго там нэт, сейчас скажу и условие моё...

Рябинин, повертев в руках «пакет», не разворачивая, сунул его в карман.

Не сговариваясь, уже попятнанные одной темой, все трое присели на корточки.

Подняв с земли ивовый прутик, Тимур, соскабливая с кроссовок комочки грязи, выдал информацию.

– В Хатуни, карочэ, есть два ваххабиста, – он усмехнулся, – Турпал и Саламбек... Лэт по двадцать им... Когда вторая война началась, родня их отправила в Баку, карочэ, вроде в

институт... Там дядя у кого-то... Большой человек. Они в Баку в какой-то центр исламский паступили. Чего делали там я не знаю, но недавно вернулись сюда. Я угощал их немного... Потом они накурились, карочэ, давай хвастать... Про эмиров, стволы у них гдэ-то закопаны, связь, кароч, есть... Эмира ждут какого-то, в общем... Машина у них есть... Вот, и...

– Какая? – притормозил его Серёга.

– А? Сэмёрка, новая...

– БМВ? – шутки ради уточнил Костя.

– Не-а, наша... – не понял юмора Тимур, – в Махачкале брали... Эт-та, кароч, у них там постоянно «Стэчкин» и «эфка».

– За ними есть что? – отбросив игривый тон, серьёзней вцепился в информатора Катаев.

– Этого, клянусь, не знаю... Далжно быть... На листке, кароч, фамилии их и номер машины. Они послезавтра в город поедут, на базар... Можэте их хапнуть...

– А тебе бак авиационного бензина?

И Катаев, и Рябинин знали, что в его мире ничего просто так не делается, поэтому на вопрос Кости, глаза Тимура пыхнули натуральным интересом:

– Не-а... Кароч, дайте слово. Стэчкин мнэ отдадите...

– А зачем тебе ствол ты ж не ваххабист? – закинул ему Костя.

– Так этих пид... сов знаешь сколько кругом? Мынэ вэдъ тож жить ахота...

Прутик сломался в руках парня. Он в упор в глаза посмотрел на Катаева:

– Ну что, слово офицэра дашь?

Уголок его рта на секунду сполз в сторону, делая лицо ассиметричным, словно оскаливаясь. Но тут же вернулся обратно. Костю на секунду посетило чувство неуверенности, но тут же испарилось. Кадр для будущей работы был интересный.

– Слово даю, – улавливая боковым зрением, одобрительный кивок Рябинина, сказал Костя, – но только при условии, что ты не наплел...

– Я магу пошутить, Костя, но никогда не вру, – Тимур достал из заднего кармана джинсов ещё один вдвое сложенный лист бумаги, – вот там я пошутил, а здэсь, кароч, всё правильно.

И протянул его Катаеву.

Опера поняли, начни они менжеваться или, наоборот, мгновенно соглашаться, Тимур, как детектор лжи, сделал бы свои выводы – осталась у них лишь первая бумажка. Значит, они вели себя правильно.

– А как словимся, если у нас всё срастётся? – на этот раз, Костя развернул бумажку и, мельком глянув, засунул в карман.

– К Залпе подходите каждый день... Полотенца щупать, она скажет чего и как.

– Бензина-то надо? – прощаясь, вспомнил Рябинин о насущном.

– Я не на своей сегодня, а чужую не хачу заправлять... Потом...

Тимур надвинул кепку практически на нос и, в обход ивняка, ушел в сторону Староремесленного шоссе.

– Веришь ему? – спросил Костя Сергея, когда преодолев завесу полотенец, они выбрались на площадь.

– Сам же говорил за него... Бизнес-херизнес. Ну так-то Стэчкин для них железная мотивация...

– У кого появляется АПС вырастает член на десять сантиметров. Как у этого, как его... Стингера, – зло пошутил Костя.

Маленький человек с большим пистолетом. Этот ваххабисткий ублюдок наводил ужас на спальные, если так можно выразиться, микрорайоны Грозного. В основном, на переживших обе войны русских старух. Некоторое их количество ещё оставалось в Грозном. Почти всем им было далеко за 60, в город они приехали в сороковых, или родились уже здесь, после массовой сталинской депортации 1944 года чеченского народа в Казахстан. Коренные чеченцы,

жители Грозного относились к этим старухам хорошо, чем могли помогали. Стингер же, в рамках идеологической пропаганды, пока ещё не изловленный и незаваленный, этих старух с настойчивостью маньяка, убивал.

Достоверно известно, как минимум, о четырёх убитых. Это тех, чьё убийство отличалось демонстративностью, как правило, прилюдной. Завалить эту мразь горели желанием как местные менты, так и федеральные.

– Сейчас сходим соберём, порешаем, – подходя к КПП, сказал Рябинин, – такую информацию в унитаз сливать нельзя...

Костя рассеянно кивнул. Он опять завис, что-то в словах, интонациях Тимура ему не нравилось. И говорит вроде правильно, и интерес свой обозначает... Вот только акцент, вроде, иногда пропадает у него. Волнуется видать, тоже.

Оставив мысль без концовки, Костя еле успел поймать, отлетающую после прохода Сергея железную дверь. На вечерней планёрке Жоганюком было объявлено о совместной милиционно-военной операции, в народе именуемой зачисткой. Её проведение планировалось в Центральной части и, как раз в день, когда, судя по манускрипту Тимура, должны были приехать гости из Хатуни. По ходу пьесы пришлось сменить роли и приоткрыть карты.

– Товарищ полковник, – обратился Катаев, когда тот задал традиционное: «Есть вопросы?» – у нас имеется оперативная информация о приезде в этот день в город двух возможных участников НВФ²¹. Подчёркнуто-официальный тон очень нравился Николаю Ивановичу, избрав его, Костя ждал «добро» на ОРМ в рамках общевойсковой зачистки.

– Зачем? – посадка полковника, карикатурно напоминала маршала Жукова, при планировании Берлинской операции, – для терактов?

– Никак нет. По бытовой надобности, – держась избранной тактики, продолжил Костя, – информация касается их причастности к банде Аль Валида, при них возможно оружие, наркотики, поддельные документы, – на ходу импровизировал оперативник.

– Ваши предложения?

– Нам известны их данные, автомобиль и маршруты следования. Для задержания необходима Ваша санкция и машина ОМОНа. С Куренным согласовано, он выделил машину и экипаж, – сослался на командира череповецкого ОМОНа Катаев, – по нашим сведениям автомобиль прибудет в 8–9 часов утра и проследует в центральную часть города.

– Утром я вас до инженерной разведки не выпущу, – черкнув что-то в блокнот, вставил Жоганюк.

«Плевали мы на твоё “выпущу-не выпущу”», – подумал Костя, но вслух закончил:

– Именно поэтому, зная о местах их остановок, мы и планируем задержание в ходе «зачистки».

– Толково, – одобрил полковник, – а если ещё и изыщем чего, то налицо и результат общей операции...

«Изыщем, изыщем», – мысленно спассировал Костя в голову полковника, – ты только гривой махни.

– Михаил Анатольевич будьте, так сказать, на общем руководстве, – обратился он к Кутозову, – детали обсудите с личным составом. У меня сеанс связи с УВД. Идти надо.

Присутствующие, поняв, что планёрка закончена, заподнимались со своих мест.

– Когда ко мне зайдёте? – спросил Миша Катаева и Рябинина, когда все вышли из административного здания.

– Анатолич, давай позже, мне в спортзал хотелось бы сгонять, – Костя посмотрел на Рябинина.

– А мне на переговорник.

²¹ НВФ – незаконное вооруженное формирование.

Опера не торопились взахлёб делиться замыслом операции. Миша это понял. Переговорник уже не работал.

– Тогда на восемь тридцать, – глянул он на свой «Ориент» и пошагал к жилому корпусу.

– Договорились.

– Давай до пацанов сходим, в тему посвятим, – дождавшись, когда Кутузов уйдёт, дёрнул Костю за рукав Сергей.

Нюансы заключались в следующем. Конечно, никто не собирался производить задержание в рамках большой стирки, тьфу, зачистки, по банальной причине – как только фигуранты въедут в город, то сразу же узнают о мероприятиях ОГВс и, в лучшем случае, уберут весь компромат из машины. Даже скорее всего, тупо развернутся и уедут обратно. По этой причине, схомутать подозреваемых планировалось на блокпосту, при подъезде к Грозному, засев там с раннего утра.

Для успешной реализации этого замысла, Катаев и Рябинин, втихаря, с вечера выберутся за ворота. Там, их на броню заберёт БТР «Визиря» и увезёт к себе на базу. Выставившись с утра на блоке, опера, совместно со спецназом, при удачном раскладе, вяжут нужных людей. По каракулям Тимура выходило, что выезжать из Хатуни они планировали рано утром. То же самое подсказывала логика, коль скоро, едешь на базар – делай это утром. «Визири» увезут задержанных к себе в Ханкалу, где те подождут своего генерального выхода, а оперов забросят к 9-10 утра по возможности до начала шоу, на ПВД. Откуда они, торжественно, со всей мощью тактической группировки и обрушаться на район, намеченный для наведения шороха.

Другой практической нагрузки эти «зачистки» не несли. Уже в ходе неё, доложившись руководству о начале своей игры, оперативники, как положено, на обеих машинах, с «буханкой» ОМОНа, на прикрытии спокойно сгоняют в Ханкалу, к «Визирям», где часок покурив, заберут пленных и доставят в Центр Содействия. В этом плане, разработанным интриганским мозгом Катаева, осталось обсудить чисто технический момент – как оставшиеся опера прикроют его и Сергея. Для этого и существовала курилка.

– Чёго там объяснять-то?... Серый, нас с Саней пацаны ждут... В футбол поиграть, – Костя, торопившийся погонять мяч, не хотел тратить время, – расскажи пацанам нашим, а я Сашке... Да и день целый завтра есть. Успеем если что...

– Хрен с тобой, иди.

Через пару часов, вернувшись, Катаев и Долгов застали оперов за просмотром «Крепкого орешка». Кто-то тусил на кухне, там гремели посудой.

– Доклад Кутузову отменяется, – сообщил Рябинин, повернувшись к Косте, развешивающему сырое после душа полотенце, – его прокурорские на какую-то пьянку позвали... Я вкратце разжевал ему... Сказал, что в курсе держать его будем...

– А он за нами не увяжется? – Костя присел рядом.

– Нет, он на БРДМку полезет вместе с Жоганюком... В масках, бля...

– Во их прёт бабок по рынку гонять... – оторвался от экрана Бес, – «зелёные береты»...

– Нам лучше... Исчезнем по тихому...

На экране куражился Брюс Уиллис, шараша из всех видов и спасая испуганный люд от глобальной террористической угрозы. Вскоре, к стрельбе киношной, ненавязчиво пристроилась ежевечерняя пристрелка выносных постов.

Глава VI

... БТР, изредка цепляя бровку дороги, взрезал пустеющие улицы вечернего Грозного.

Исчезновение Рябинина и Катаева прошло как по маслу. Сначала опера всем кагалом вышли за ворота, где у поворота на шоссе дожидался БТР «Визиря». Накануне, ещё до обеда, опера одним экипажем смотались в Ханкалу, где их предложение поработать встретили с удовольствием, тем паче каких-либо затруднений оно не создавало. Рябинин ещё раз проговорил основные моменты с Гапасько и Долговым, которые должны, в случае шухера создать алиби ему и Катаеву («только что были, сейчас придут») и, пожав всем руки, залез на броню. Костя, пройдя трогательную процедуру прощания, закрепился на броне и, в стиле товарища Сталина, помахал провожающим ладонью.

После этого БТР тронулся в Ханкалу, а орава оперативников прошла через КПП обратно. Никто, собственно, и не обратил внимания на то, что вернулось вместо десяти человек, восемь.

Кроме Кости и Сергея, на броне гнездились ещё четверо бойцов и Саша Щепёткин. Все они были должным образом экипированы – в сферах, масках, горнолыжных очках. Оперативники же, до сих пор передвигавшиеся на УАЗиках, вероятность опыления не учли. Рябинин, натянув кепку на глаза, сидел опустив голову, а Катаев, развязав с шеи «ганзэндроузовскую бандану, с которой не расставался с первой командировки, повязал ее, став похожим на грабителя из старых ковбойских вестернов.

При подъезде к «романовскому» мосту, дорожное покрытие стало совсем никудышным. Воронки от взрывов, заглаженные и не очень, перемежались с гигантскими трещинами на останках асфальта.

Под самым тоннельным мостом стояла никогда не высыхающая огромная лужа. Её воды, неторопливо, сберегая трамблёр от залива, бороздила бежевая «шестёрка». Даже сквозь работу двигателя «бэтэра», Костя услышал как орёт из открытых окон «жигулей» арабская музыка. Водитель броневика это тоже слышал. Его музыкальные пристрастия явно не совпадали с идущей впереди легковушкой. Ускорив машину, он, ходом, пошёл по луже, обгоняя орущую «шестёрку». Многотонная масса, на скорости 50 километров в час прошла рядом с музыкальной шкатулкой. Костя, с высоты своего положения, успел увидеть жалкие попытки меломанов закрутить стёкла. Цунами грязной воды на секунду скрыла машинку из вида. Оскалившись, на вставшую посреди лужи «шестёрку», бойцы увидели, что музыка смолкла, двигатель заглох. Командир, сдерживая улыбку, лишь укоризненно покачал головой.

По приезду в расположение, Щепёткин, с ходу потащил Костю и Сергея к себе в палатку. На этот раз все проживающие были в сборе. Лёха, ворочавший кочергой в топке «буржуйки», с выбритой под «станок» головой, среднего роста, в форменных хаки-штанах и майке, в обтяжку сидящей на рельефной мускулатуре. Второй офицер, Андрей, в накинутой на голое тело «горке» вскрывал консервные банки, выставляя их на стол, где в тарелках развалились солёные огурцы и нарезанная колбаса. Гостей в палатке ждали.

– Пойдём, с дороги сполоснёмся, а то ты, Рябина, на дьявола похож, – бросив автомат, сферу и броник около своей койки, позвал Саша.

А мы как раз хлопотать по хозяйству закончим, – улыбнулся Андрей. Его мягкая, почти детская улыбка не сочеталась с холодком серых глаз.

Когда освежившиеся опера и Саша Щепёткин вернулись в палатку, то оба «Визиря» уже сидели за столом. Композицию из нехитрых закусок венчала бутылка «Смирнофф». Ответ заката, преломляясь в полиэтилене палаточных окошек, заполнял обжитой кусочек чеченской земли. В углу, на экране телевизора надрывалась Валерия, потрескивали дрова в печурке, вкусно пахло разогретой тушенкой. Фронтная романтика, в общем...

Без разминки вмазали по первой. Обожжённые водкой желудки требовали жертв, поэтому следом полетели огурцы, колбаса, зелень.

– Кого завтра вяжем-то? – сглотнув ком жратвы, спросил Андрей.

– Молодых двоих... «Травокуров», – ответил Рябинин.

– Тут все «травокуры», – хохотнул Лёха, взявшись за бутылку, – даже мы...

– Хрен с этой травой, кому она нужна... Информашка, что эти пассажиры в Баку подготовку проходили, – подставил кружку под бутылочное горло Сергей.

– С возвратом берём? – покачивая водкой в кружке, задал необходимый вопрос Андрей.

– В смысле? – не понял Катаев.

Спецы заулыбались.

Опрокинувший очередную порцию внутрь, Рябинин, поморщившись, пояснил:

– Мочить будем или нет...

Костя пожал плечами. Запаханное кровью сознание допускало и такое развитие событий, но говорить об этом легко не получалось. При штурме Грозного до фильтров очень редко довозили задержанных, но там вроде как война была, со всеми вытекающими...

А если пустые окажутся? Понятно, что зарядить травы или патронов труда не составит и терзаться по этому поводу никто не будет, но если всё-таки реально боевики? Год условно по трём гусям²²? И дальше продолжайте... Не по понятиям.

Отгоняя от себя эти мысли, Костя посмотрел на Серёгу:

– Сам-то как думаешь?

Тот, хмелея, обвёл всех сидящих за столом взглядом, тормознув на Щепёткине:

– К Сулейману потом хочу сгонять...

Все трое спецов, как по команде, не сговариваясь, хмыкнули. Саша спросил:

– Думаешь родня обмен потянет?

Костя пока не понимал о чём речь. Сооружая бутерброд, Сергей продолжил:

– Я думаю эти «чехи» за два месяца особо непофестивалили... Если криминал хороший будет в машине мы их сразу по официалке заберём. Если пустые будут попытаем, организуем криминал, а там видно будет... А родня... Учёбу в Баку потянула, думаю и обмен потянет.

– Что за Сулейман-то? – Костя, дождавшись, когда Серёга укусит бутерброд, спросил Сашу.

– Сулейман-то? – Саша усмехнулся, – это такой интересный типус, который меняет людей... И живых, и мёртвых...

– А-а, посредник... Ты что-то рассказывал, – Костя кивнул Серёге.

Лёха разлил водку:

– Давай, парни... Третий...

Все кто хоть раз побывал на войне, даже туристом, знают про традиционный третий тост. Обычно его и не произносят. Встали и выпили.

Щепёткин, не садясь, хрустнул огурцом и, выудив из пачки «Мальборо» сигарету, спросил:

– Курить пойдёт кто?

Андрей и Серёга вместе с ним вышли из палатки, в начинающий холодить вечер. Некурящие Костя и Лёха остались сидеть за столом.

– А что за посредник? А то я Рябину в полуха слушал, – поинтересовался Костя.

– Сулейман! – Лёха хрустно потянулся. – Это человек между жопами... То есть между ними и нами. Местные к нему не очень. Трупоедом зовут... Бизнесом специфическим занимается... давай дёрнем чуть-чуть для красноречия... Расскажу...

Намахнули. Закусили самой вкусной в мире армейской тушенкой.

²² Три гуся – ст. 222 УК РФ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.